

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

Красная планета
Звездный зверь

АЗБУКА

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Красная планета.
Звездный зверь (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1949, 1954

УДК 821.111(73)

Хайнлайн Р. Э.

Красная планета. Звездный зверь (сборник) / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1949, 1954 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-14493-4

Два романа, составившие этот том, объединяет, во-первых, дружба – в «Красной планете» это дружба юного марсианского колониста Джима Марло и Виллиса, уроженца Марса; во втором романе дружат «звездный зверь» Ламмокс и земной подросток Джон Стюарт. Во-вторых, их объединяет тема, вообще характерная для «юношеских» романов Хайнлайна: как из неуверенного в себе подростка создать мужчину, не боящегося трудностей и ответственности. И конечно, в обоих произведениях сюжет держится на контрасте между мелочностью и «приземленностью» не лучших представителей такого вида, как «человек разумный», и мудростью и терпением иных, нечеловеческих рас. И тот и другой роман даются в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)

ISBN 978-5-389-14493-4

© Хайнлайн Р. Э., 1949, 1954
© Азбука-Аттикус, 1949, 1954

Содержание

Особенности колониальной политики в 2020 году	7
Красная планета[2]	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	70
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Роберт Хайнлайн

Красная планета.

Звездный зверь (сборник)

Robert A. Heinlein

RED PLANET

Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein

THE STAR BEAST

Copyright © 1954 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© Н. Виленская, перевод на русский язык, 2018

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, наследники, 2018

© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

РОБЕРТ ЭНСОН ХАЙНЛАЙН (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы ни говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же

абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Особенности колониальной политики в 2020 году

Если мы попытаемся найти в земной истории аналоги ситуации, сложившейся в земных колониях к концу эпохи экспансии, то единственное, что приходит в голову, – это Ботани-Бей. Как и Ботани-Бей, Луна и Венера были местом массовой ссылки заключенных, бессрочной каторгой, из которой не было возврата. Подобно уголовникам, осваивавшим и заселявшим австралийский континент, ссыльные каторжане начала ХХI века заселили полярные болота Венеры и туннели лунного Моря Кризисов. Со временем они превратились в «местное население», сохранив при этом асоциальный характер, бунтарский дух и глубоко укоренившееся чувство ненависти к земной администрации.

Иной ситуация была в Марсианской колонии. По необходимости марсианские первопоселенцы были добровольцами, высококвалифицированными специалистами, задействованными в весьма амбициозном проекте терраформирования. Однако их уровень жизни мало отличался от быта ссыльных каторжан. Кочевой образ жизни означал минимум личного имущества, смертельная окружающая среда требовала строжайшего соблюдения правил, – все это порождало в колонистах стремление защитить и расширить те сферы жизни, в которых они могли совершать хоть какой-то свободный выбор. При этом колонисты оставались лояльны к земной администрации и отчасти продолжали считать себя гражданами метрополии, наделенными теми же правами, что и любой землянин на материнской планете. Так продолжалось до 2020 года, когда в Управлении по делам колоний начались активные подвижки и пересмотр прежней финансовой политики.

С точки зрения экономики три проекта из четырех были успешным вложением инвестиций: Луна снабжала Землю продовольствием, Венера – тяжелыми металлами, а Церера – редкоземельными элементами и радиоактивными богатствами Пояса астероидов. И только Марс оставался депрессивным потребителем бюджетных средств. Какая-либо отдача от марсианских проектов ожидалась не ранее чем через десятки лет. С точки зрения политиков, это были немыслимые сроки, несопоставимые со сроками их политической жизни. Естественно, рано или поздно должно было возникнуть желание оптимизировать расходы. И такое решение было найдено.

Несомненно, его авторам оно представлялось вполне приемлемым – технически, они не видели никакой разницы между ссыльными поселенцами Луны или Венеры и свободными колонистами Марса. Нюанс, который проглядели кабинетные теоретики, заключался в таких неуловимых и слабоформализуемых вещах, как «гордость», «чувство собственного достоинства» и «уверенность в собственном праве определять свою судьбу». Сложись все иначе – и Марс, Венера и, возможно, Луна так бы и просуществовали в своем бесправном статусе до конца столетия и в начале ХХII века автоматически вошли бы в Солнечную империю. Но случилось так, что административная машина на полном ходу столкнулась с таким эфемерным и совершенно непредвиденным препятствием, как вышеперечисленные психологические нюансы. Столкнулась и забуксовала. Возможно, машина сумела бы преодолеть это препятствие, если бы в центре политической бури не оказались два совсем уж незначительных, с административной точки зрения, существа: земной мальчик-колонист и его маленький марсианский друг.

Последствия этих событий всем известны: вспышки насилия, сепаратизм, восстания, межпланетные войны, деколонизация Солнечной системы и прекращение космических полетов, а затем долгий мучительный период интеграции внутренних планет в Солнечную империю. Разумеется, на фоне последовавших грандиозных событий роль мальчика и его питомца никто и не думал ни отслеживать, ни оценивать. И исторические уроки, как это часто бывает,

так и не были извлечены. Неудивительно, что через двести лет в земной истории назрел христианский кризис, в центре которого вновь оказался земной мальчик и его питомец...¹

С. В. Голд

¹ «Хайнлайн в картинках».

Красная планета²

Тиш

Глава 1 Виллис

Разреженный воздух Марса был прохладен, но не слишком. В южных широтах зима еще не настала, и температура днем не опускалась ниже нуля.

Странное существо, стоящее у двери куполообразного строения, походило на человека, хотя ни у одного человека не было такой головы: на макушке – что-то вроде петушиного гребня, огромные глазницы, а там, где должен быть нос, лицо переходило в вытянутую морду. А окрас уж и вовсе из ряда вон – тигровый, в черно-желтую полоску. На поясе у него висело оружие, напоминавшее пистолет, а в сгибе правой руки был зажат мяч – побольше баскетбольного и поменьше медбольного.³ Существо переложило мяч в левую руку, открыло входную дверь и шагнуло внутрь.

Внутри оказалась крохотная прихожая, за ней – вторая, внутренняя дверь. Как только наружная дверь закрылась, давление воздуха в тамбуре стало подниматься со звуками, напоминающими вздохи.

– Ну, кто там? Отвечайте, отвечайте! – сиплым басом взревел репродуктор над внутренней дверью.

Визитер осторожно опустил мяч на пол, обеими руками ухватился за уродливое лицо, оттянул его и задрал на макушку. Под маской обнаружилось человеческое лицо – обыкновенного земного мальчишки.

– Это я, док, Джим Марло, – ответил он.

– Ну так заходи. Нечего там стоять и ногти грызть.

– Иду.

Когда давление в прихожей сравнялось с давлением в доме, внутренняя дверь автоматически открылась. Джим сказал:

– Пошли, Виллис, – и ступил внутрь.

Мяч выпустил снизу три отростка и последовал за мальчиком – непонятно было, идет он или катится, больше всего его походка напоминала движение бочонка, который кантуют на днище. Они прошли по коридору и попали в большую комнату, занимавшую половину всего круглого дома. Доктор Макрей, не вставая, приветствовал их:

– Здорово, Джим. Разоблачайся. Кофе на столе. Здорово, Виллис. – Доктор вернулся к своей работе: он перевязывал руку мальчику, ровеснику Джима.

– Спасибо, док. А, Фрэнсис, привет. Ты чего тут?

– Привет, Джим. Я убил водоискалку, да только палец о шип наколол.

– Прекрати ерзать! – скомандовал доктор.

– Эта штука щиплется, – пожаловался Фрэнсис.

– Так и надо. Помолчи.

– Как это тебя угораздило? – не успокаивался Джим. – Ты что ж, не знаешь, что их нельзя трогать? Надо было поджарить ее сверху донизу.

² Перевод Натальи Виленской

³ Медбольные мячи применяются в медицинской гимнастике – диаметр их около 30 см.

Он расстегнул молнию скафандра, стянул его и повесил на вешалку у дверей. Там уже висел скафандр Фрэнсиса с маской, расписанной яркими красками, наподобие боевой раскраски индейского воина, и скафандр доктора, маска которого была чиста. Джим, как это было принято на Марсе, остался в одних ярко-красных шортах.

– Я и поджарил, – объяснил Фрэнсис, – но она зашевелилась, когда я ее тронул. Я хотел отрезать хвост, сделать бусы.

– Значит, плохо поджарил. Может, в ней полно живых яиц осталось. А для кого бусы?

– Не твое дело. А яички я сразу выжег. Кто я, по-твоему? Турист?

– Да как тебе сказать. Ты же знаешь, эти твари подышают только на закате.

– Не говори глупостей, Джим, – сказал доктор. – Теперь, Фрэнк, я тебе сделаю укол анти-токсина. Толку от него никакого, зато твоя мама успокоится. Завтра палец у тебя вздуется, как обожравшийся щенок, принесешь его сюда, и я его вскрою.

– А я палец не потеряю? – спросил мальчик.

– Нет. Просто какое-то время будешь чесаться левой рукой. А тебя, Джим, что сюда привело? Живот заболел?

– Нет, док, я из-за Виллиса.

– Из-за Виллиса? Вид у него как будто бодрый.

Доктор посмотрел вниз, на Виллиса. Тот стоял, приподнявшись на своих ножках, и наблюдал, как Фрэнку перевязывают палец. Для этого он вытянул из верхней части три глазных отростка. Отростки торчали, как большие пальцы рук, образуя равнобедренный треугольник, из каждого выглядывал глаз, до того похожий на человеческий, что становилось не по себе. Малыш медленно повернулся, переступая своими ножками-псевдоподиями, чтобы оглядеть доктора каждым глазом по очереди.

– Налей-ка мне чашку «явы», Джим, – распорядился доктор, нагибаясь и складывая руки ковшиком. – Ну-ка, Виллис, опля!

Виллис подпрыгнул и влетел прямо в руки доктору, убрав при этом все свои выступы. Доктор положил его на смотровой стол. Виллис снова выставил ножки и глазки, и они с доктором принялись разглядывать друг друга.

Доктор видел перед собой мячик, покрытый густым коротким мехом, похожим на стриженую овчину, и не имеющий на данный момент никаких отличительных черт, кроме ножек и глазных отростков. Виллис видел перед собой пожилого землянина, почти полностью покрытого длинными курчавыми серыми с белым волосами, одетого в белоснежную рубашку и шорты. Виллису очень нравилось смотреть на него.

– Как ты себя чувствуешь, Виллис? – спросил доктор. – Хорошо? Или плохо?

На самой макушке Виллиса, между глазными отростками, появилась ямочка, быстро превратившаяся в отверстие.

– Виллис хорошо! – сказал он. Голос у него был точь-в-точь как у Джима.

– Хорошо, говоришь? – переспросил доктор и, не оглядываясь, приказал: – Джим, вымой-ка эти чашки еще разок и на этот раз простерилизуй. Мы ведь не хотим подцепить какую-нибудь заразу, верно?

– Хорошо, док, – согласился Джим и спросил у Фрэнсиса: – Ты будешь кофе?

– Конечно. Слабый и побольше молока.

Джим нырнул в лабораторную раковину и выудил оттуда еще одну чашку. В раковине было полно грязной посуды. Рядом на бунзеновской горелке потихоньку кипел большой кофейник.

Джим тщательно вымыл три чашки, пропустил их через стерилизатор и налил всем кофе.

– Джим, этот гражданин говорит, что он в порядке, – сказал доктор Макрей, принимая чашку. – В чем проблема?

– Да, знаю, он все время говорит, что у него все нормально, но это не так. Вы не могли бы его осмотреть, док?

– Осмотреть? Каким образом, мальчик? Я не могу даже измерить ему температуру, потому что не знаю, какая температура у него нормальная. В его биохимии я смыслю столько же, сколько свинья в апельсинах. Ты хочешь, чтобы я вскрыл его и посмотрел, почему он тикает?

Виллис тут же убрал свои отростки и сделался гладким, как бильярдный шар.

– Ну вот, вы его напугали, – с укором сказал Джим.

– Прошу прощения. – Доктор протянул руку и потрепал Виллиса по шерстке. – Виллис хороший, Виллис славный. Никто не обидит Виллиса. Ну давай, малыш, вылезай.

Виллис чуть-чуть приоткрыл голосовой сфинктер.

– Не обижать Виллис? – недоверчиво спросил он голосом Джима.

– Не обижать Виллис. Обещаю.

– Не резать Виллис?

– Не резать Виллис. Никогда.

Медленно появились глаза, при этом он прекрасно обходился без лица.

– Вот так-то лучше, – одобрил доктор. – Ближе к делу, Джим. Почему тебе кажется, что с ним что-то не так, если мы с ним думаем иначе?

– Да потому, что он так себя ведет, док. Дома-то все хорошо, а вот когда выходит... Раньше он со мной всюду ходил, скакал и везде совал свой нос...

– У него нет носа, – заметил Фрэнсис.

– Пять с плюсом. А теперь, когда я его беру погулять, он сворачивается в клубочек, и ничего от него не добьешься. Если он не болен, почему он так делает?

– Кое-что проявляется, – сказал доктор. – Сколько времени живет у тебя этот мячик?

Джим задумался, перебирая в памяти двадцать четыре месяца марсианского года:

– Где-то с конца зевса, почти с ноября.

– А теперь конец марта, почти церера,⁴ лето кончилось. Тебе это ни о чем не говорит?

– Да нет.

– Что ж он, по-твоему, и по снегу будет скакать? Мы уезжаем, когда приходят холода, а он здесь живет.

– Вы думаете, это он впадает в спячку? – раскрыл рот Джим.

– А что ж еще? Предки Виллиса много миллионов лет приспосабливались к смене времен года, не может же он так сразу от этого отказаться.

Джим забеспокоился:

– Я ведь хотел взять его с собой в Малый Сырт.⁵

– Малый Сырт? Ах да, ты ведь в этом году поступаешь в школу. И Фрэнк тоже.

– Точно!

– Не могу привыкнуть к тому, как быстро вы растете. Кажется, на прошлой неделе я разрисовывал тебе большой палец, чтобы ты его не сосал.

– Я никогда не сосал большой палец! – возмущенно сказал Фрэнсис.

– Нет? Тогда это был какой-то другой ребенок. Ладно, забудь. Я прилетел на Марс, потому что здесь год в два раза длиннее, но что-то не вижу никакой разницы – годы летят еще быстрее.

– Док, а сколько вам лет? – поинтересовался Фрэнсис.

⁴ Церера – ближайшая к Солнцу и наименьшая среди карликовых планет Солнечной системы; находится в Поясе астероидов.

⁵ Малый Сырт (как и Большой Сырт) – местность на Марсе, образованная вулканическими кратерами. Название берет от залива Сирт в Средиземном море.

– Не важно. Итак, кто из вас будет изучать медицину, а потом вернется помочь мне с практикой?

Ответа не было.

– Ну-ну! – настаивал доктор. – На кого вы собираетесь учиться?

– Ну не знаю, – сказал Джим. – Я интересуюсь ареографией,⁶ но и биология мне тоже нравится. А может, стану планетарным экономистом, как мой старик.

– Это обширная область. Долго придется учиться. А ты, Фрэнк?

Фрэнсис немного смутился:

– Я? Ну, э-э-э, я все-таки думаю стать космическим пилотом.

– А я думал, ты из этого уже вырос. – Доктор Макрей выглядел почти потрясенным.

– А что тут такого? – В голосе Фрэнсиса звучало упрямство. – Мне кажется, я смогу.

– Это как раз то, чего я опасаюсь. Послушай, Фрэнк, ты действительно хочешь жить связанным по рукам и ногам правилами, инструкциями и дисциплиной?

– Мм... Я хочу быть пилотом, и я это точно знаю.

– На свою собственную голову. Лично я покинул Землю, чтобы убраться подальше от всей этой глупости. Земля настолько опутана законами, что человек не может даже дышать. А на Марсе пока еще существует определенная свобода. Но это должно измениться...

– Когда это изменится, док?

– Ну, я думаю, что к тому времени я подышу себе другую планету, такую, что еще не испортилась. Да, раз уж об этом зашла речь: вы ведь уедете в школу еще до миграции?

Поскольку людям несвойственно впадать в зимнюю спячку, колония дважды в марсианском году мигрировала. Южное лето она провела в Хараксе, это в тридцати градусах от Южного полюса, а теперь колония собиралась перебираться в Утопию, в Копайс,⁷ почти на том же расстоянии от Северного полюса. Там колония должна была провести половину марсианского года, то есть почти целый земной год.

Возле экватора находились постоянные, немигрирующие поселения: Нью-Шанхай, Марсопорт, Малый Сырт и другие, но они не считались колониями, и населяли их в основном служащие Марсианской компании. Контракт и устав обязывали Компанию предоставить колонистам возможность получить высшее образование на уровне терранских стандартов, и Компания предоставила такую возможность только в одном месте – в Малом Сырте.

– Мы едем в будущую среду, – сказал Джим, – на почтовом скутере.

– Так скоро?

– Да, потому я и беспокоюсь за Виллиса. Что с ним делать, док?

Виллис, услышав свое имя, вопросительно посмотрел на Джима и повторил, в точности копируя его:

– «Что с ним делать, док?»

– Заткнись, Виллис...

– «Заткнись, Виллис». – Виллис столь же точно скопировал и доктора.

– Наверное, правильное всего было бы вынести его наружу, найти норку и запихать его поглубже. Вы сможете возобновить знакомство, когда он проснется после спячки.

– Нет, док, я же так его потеряю! Он вылезет раньше, чем я приеду на каникулы. Может, он проснется еще до переезда колонии.

– Может быть. – Макрей задумался. – Ему не повредит снова оказаться в своей среде. Тот образ жизни, который он ведет с тобой, естественным не назовешь. Кроме того, он личность, а не чья-либо собственность.

⁶ Ареография – эквивалент земной «географии». От «Арес», греческого названия Марса. – *Примечание Роберта Э. Хайнлайна.*

⁷ Копайс – местность в Северном полушарии Марса, названа в честь заболоченного озера к северу от горы Геликон в Беотии, Греция.

– Конечно! Он мой друг.

– Не пойму я, – вставил Фрэнсис, – чего это Джим так с ним носит. Конечно, болтает он здорово, но больше повторяет как попугай. По-моему, он просто дурачок.

– А тебя никто не спрашивает. Виллис меня любит. Правда, Виллис? Ну, иди к папе. – Джим подставил руки, маленький марсианин прыгнул и устроился у Джима на коленях – теплый, пушистый, чуть пульсирующий. Джим погладил его.

– Почему бы тебе не попросить марсиан позаботиться о нем? – предложил доктор.

– Я пробовал, но не нашел ни одного в таком настроении, чтобы он обратил на меня внимание.

– То есть у тебя не хватило терпения этого дожидаться. Внимание марсианина можно привлечь, только набравшись терпения. А почему ты не спросишь самого Виллиса? У него свое мнение есть.

– А как ему объяснить?

– Давай я попробую. Виллис!

Виллис обратил к доктору два глаза.

– Хочешь выйти наружу и поспать?

– Виллис не хочет спать.

– Снаружи захочешь спать. Там хорошо, холодно, найти норку в земле. Свернуться и поспать как следует. А?

– Нет!

Доктору стоило труда не поддаваться наваждению, что это говорит Джим (говоря от своего лица, Виллис всегда пользовался голосом Джима). У звуковой диафрагмы Виллиса не было собственного тембра, как нет его у динамика в радиоприемнике. Она и была похожа на мембрану динамика, только принадлежала живому существу.

– Решительно сказано, но попробуем зайти с другой стороны. Виллис, хочешь остаться с Джимом?

– Виллис остаться с Джимом. Тепло! – задумчиво произнес Виллис.

– Вот секрет твоего обаяния, Джим, – сухо сказал доктор. – Ему нравится температура твоего тела. Но *ipse dixit*,⁸ бери его с собой. Не думаю, чтобы это ему повредило. Ну проживет он пятьдесят лет вместо ста, зато получит вдвое больше удовольствия.

– Значит, обычно они живут по сто лет? – уточнил Джим.

– Кто их знает. Мы недостаточно долго пробыли на этой планете, чтобы знать такие вещи. А теперь выметайтесь. У меня полно дел. – Доктор задумчиво посмотрел на кровать, которая уже неделю не застилалась, и решил подождать с этим, пока не придет время менять белье.

– А что значит «*ipse dixit*», док? – спросил Фрэнсис.

– «Он и впрямь это сказал».

– Док, – предложил Джим, – пойдете к нам обедать. Я позвоню маме. И ты тоже, Фрэнк.

– Ну нет, – сказал Фрэнк, – я, пожалуй, не пойду. Мама говорит, что я слишком часто у вас ем.

– Моя мама, будь она здесь, непременно сказала бы то же самое, – признался доктор. – К счастью, я давно освободился от ее благотворного влияния. Звони своей маме, Джим.

Джим подошел к телефону, попал на двух колониальных мамаш, болтающих о своих малышах, и наконец соединился с домом на резервной частоте. Когда на экране появилось лицо матери, Джим сказал ей, что пригласил доктора.

– Я очень буду рада, если доктор придет, – сказала она. – Скажи ему, Джим, пусть потопится.

– Мы уже выходим, мама! – Джим выключил аппарат и потянулся за скафандром.

⁸ Ты сам это сказал (*лат.*).

– Не надевай, – остановил его Макрей. – На воздухе слишком холодно. Пройдем по тун-
нелям.

– Это же вдвое дольше, – возразил Джим.

– Предоставим Виллису решать. Ты за кого, Виллис?

– Тепло, – важно сказал Виллис.

Глава 2

Южная колония, Марс

Южная колония была построена в виде колеса. Административный центр был ступицей, от него в разные стороны расходились туннели, над которыми стояли дома. Колонисты начали строить туннель-обод, соединяющий концы спиц, и уже соорудили дугу в сорок пять градусов.

За исключением трех лунных хижин, поставленных при основании первой, потом покинутой колонии, все дома были одинаковой формы. Каждый дом представлял собой полусферу, надутую из силиконового пластика, его производили на месте, из марсианского грунта. Собственно, пузырь был двойной: сначала надувалась внешняя оболочка, футов тридцати-сорока в поперечнике. Когда она застывала, в ней проделывали туннель и надували внутренний пузырь, чуть поменьше первого. Внешний пузырь полимеризовался, то есть затвердевал и вулканизировался под лучами солнца. Внутренний пузырь вулканизировали с помощью батарей ультрафиолетовых и нагревательных ламп. Оболочки отделял друг от друга слой воздуха около фута толщиной, который служил теплоизоляцией в морозные марсианские ночи.

Когда новый дом затвердевал, в нем прорезали двери и устанавливали шлюзовой тамбур. Ради комфорта колонисты поддерживали в домах давление, составлявшее две трети земного (атмосферное давление Марса не достигает и половины).⁹ Непривычному к марсианским условиям человеку без респиратора грозила неминуемая смерть. Из колонистов только тибетцы и боливийские индейцы отваживались выходить без респираторов за дверь, но даже они надевали облегающие эластичные скафандры во избежание подкожных кровоизлияний.

Подобно современным зданиям Нью-Йорка, дома колонии были лишены окон. Окружающая колонию пустыня была однообразна, хоть и красива. Южная колония находилась в зоне обитания марсиан, немного к северу от древнего города Харакс (давать его марсианское название нет необходимости, ни один землянин его все равно не выговорит). Колония располагалась между двумя рукавами Стримонского канала¹⁰ (тут мы снова следуем колониальному обычаю использовать названия, некогда данные бессмертным доктором Персивалем Лоуэллом¹¹).

Фрэнсис дошел с Джимом и доктором до площадки, соединявшей туннели под мэрией, потом свернул в свой туннель. Через несколько минут доктор, Джим и Виллис поднялись в дом Марло. Их встретила мать Джима. Доктор Макрей поклонился. Поклон был изысканным – его не могли испортить ни босые ноги, ни заросшая седыми волосами грудь доктора.

– Мадам, я опять злоупотребляю вашей добротой.

– Чепуха, доктор. Вы у нас всегда желанный гость.

– Если бы мне хватило духу пожелать, чтобы ваше удивительное кулинарное искусство исчезло, моя дорогая, вам открылось бы истинное положение вещей: в этот дом меня привлекаете именно вы.

Мать Джима покраснела. На ней был костюм, который земная леди могла бы надеть на пляж или для возни в своем саду. Она была очень красива, хотя Джим, конечно же, об этом не догадывался. Она немедленно сменила тему:

– Джим, повесь свой пистолет. Не бросай его на диване, где Оливер может его достать.

⁹ На самом деле средняя величина атмосферного давления на поверхности Марса составляет 4,6 мм рт. ст. (на Земле – 760). Данные получены посадочными модулями американских космических аппаратов «Викинг-1» и «Викинг-2» в 1976 г. (роман написан в 1948 г.).

¹⁰ *Стримонский канал* – название производится от Стримона, в греческой мифологии речного бога, сына Океана и Тетис (по другой версии – Понта и Талассы).

¹¹ *Персиваль Лоуэлл* (1855–1916) – американский бизнесмен, дипломат, востоковед, математик и астроном, основавший свою обсерваторию и посвятивший 22 года наблюдениям планеты Марс. Лоуэлл считал Марс обитаемым и доказывал это в своих книгах.

Маленький братишка Джима, услышав, что речь идет о нем, тут же потянулся за пистолетом. Джим и его сестра Филлис оба заметили это и в один голос завопили: «Олли!» – а Виллис сразу передразнил их, проделав трюк, возможный только для атональной диафрагмы,¹² – воспроизвел два голоса разом.

Филлис была ближе, она схватила пистолет и шлепнула малыша по рукам. Оливер заплакал, ему вторил Виллис.

– Дети! – сказала миссис Марло, и тут на пороге появился мистер Марло.

– Что за шум? – мягко спросил он.

Доктор Макрей взял Оливера, перевернул его вверх ногами и посадил себе на плечи. Оливер забыл, что надо плакать. Миссис Марло повернулась к мужу:

– Ничего страшного, дорогой. Я рада, что ты пришел. Дети, идите мыть руки перед обедом. Это всех касается!

Младшее поколение дружно покинуло комнату.

– Так в чем дело? – повторил мистер Марло.

Через пару минут он зашел в комнату Джима:

– Джим?

– Да, папа.

– Как же ты бросаешь пистолет там, где ребенок может его достать?

– Он не заряжен, папа, – вспыхнул Джим.

– Если бы всех, кто был убит из незаряженного оружия, сложить в ряд, этот ряд получился бы о-го-го какой длинный. Ты ведь гордишься тем, что получил разрешение носить оружие?

– Да.

– А я горжусь тобой. Значит, ты у нас ответственный, взрослый человек, на которого можно положиться. И я поручился за тебя перед советом и стоял рядом, когда ты давал присягу, – тем самым я пообещал, что ты будешь соблюдать правила и следовать закону. От всего сердца и постоянно, а не от случая к случаю. Ты понял меня?

– Да, папа, думаю, да.

* * *

В коридоре Филлис сказала:

– Джимми, дай мне свой пистолет, я хочу немного потренироваться. Можешь вынуть из него обойму.

– Ты слишком мала, чтобы играть с пистолетом.

– Фу какой! Да я стреляю лучше тебя.

Это было очень близко к истине и страшно раздражало Джима: Филлис была двумя годами моложе и к тому же женского пола.

– Девчонкам только по мишеням стрелять. Ты же завизжишь от страха, если увидишь водоискалку.

– Кто, я? Хорошо, давай сходим на охоту, ставлю два кредита, что я первая кого-нибудь подстрелю.

– У тебя нет двух кредитов.

– Нет, есть!

– Тогда почему ты вчера не одолжила мне полкредита?

¹² Диафрагмой у человека и млекопитающих называется грудно-брюшная преграда – сухожильно-мышечная перегородка, отделяющая грудную полость от брюшной.

Филлис предпочла уйти от ответа. Джим повесил пистолет в свой шкафчик и запер его. Немного погодя они вернулись в гостиную и увидели, что отец дома и обед готов.

Филлис дождалась паузы в разговоре взрослых и сказала:

– Папа?

– Да, Пышечка, в чем дело?

– Разве мне не пора иметь свой собственный пистолет?

– Что? Нет, это произойдет еще не скоро. А пока продолжай как следует тренироваться на мишенях.

– Но послушай, папа, Джим уезжает, и это означает, что Олли не сможет выйти погулять, если у тебя или у мамы не найдется для этого времени. Если бы у меня был пистолет, я могла бы с этим помочь.

Мистер Марло наморщил лоб:

– Звучит убедительно. Ты прошла все тесты?

– Ты же знаешь, что прошла!

– Что скажешь, дорогая? Отвезем Филлис в мэрию и посмотрим, выдадут ли они ей лицензию?

Прежде чем миссис Марло смогла ответить, доктор Макрей что-то пробормотал в свою тарелку. Реплика была энергичной и, возможно, не слишком вежливой.

– А? Вы что-то сказали, доктор?

– Я сказал, – ответил Макрей, – что собираюсь перебираться на другую планету. По крайней мере, это то, что я имел в виду.

– Почему? Что случилось с этой планетой? Еще лет двадцать – и мы тут все приведем в порядок, будет как новенькая. Вы сможете гулять снаружи без маски.

– Сэр, дело не в естественных ограничениях данного шарика, проблема в тех бесхребетных простофилях, которые им управляют. Их смехотворные инструкции меня оскорбляют. То, что свободному гражданину приходится ломать шапку перед комитетом и вымаливать разрешение на ношение оружия, – это просто фантастика какая-то! Выдайте своей дочери оружие, сэр, и не обращайтесь внимания на мелких чиновников.

Отец Джима задумчиво помешивал свой кофе.

– Есть такое искушение, – кивнул он. – Я действительно не понимаю, почему Компания сразу же установила такие правила.

– Чистое подражательство. В перенаселенных ульях там, на Земле, в ходу подобные детские правила. Жирные клерки, которые решают эти вопросы, не могут вообразить никаких иных условий жизни. Но у нас здесь – сообщество Фронттира, оно должно быть свободным от подобных вещей.

– Мм... Возможно, вы правы, доктор. Мне нечего вам возразить, но я настолько погряз в своей работе, что у меня просто нет времени на политику. Проще подчиниться, чем бороться за прецедент.

Отец Джима повернулся к жене:

– Если не возражаешь, дорогая, ты не могла бы найти время, чтобы получить лицензию для Филлис?

– Ну да, – ответила она с сомнением, – если ты действительно считаешь, что она достаточно взрослая.

Доктор пробормотал скороговоркой, на едином дыхании, что-то наподобие «Danegeld»¹³ и «Бостонского чаепития».¹⁴

¹³ «Датские деньги» (англ.). В Англии XII в. так назывался налог, взимаемый для выплаты дани скандинавским грабителям.

¹⁴ «Бостонское чаепитие» – в 1773 г. акция протеста против беспошлинного ввоза английских товаров в американскую колонию.

Филлис ответила:

– Конечно, я достаточно взрослая, мама. Я стреляю лучше, чем Джимми.

– Да ты рехнулась, как жук-вертун! – возмущенно воскликнул Джим.

– Следи за своими манерами, Джим, – предостерег его отец. – Мы так не разговариваем с леди.

– А она разговаривает как леди? Пожалуйста, па!

– Ты обязан вести себя так, будто она – леди. И оставим это. Что вы сказали, доктор?

– А? Уверен, ничего такого, что мне стоило бы повторять. Ты что-то говорил насчет того, что еще лет двадцать и мы сможем выкинуть наши респираторы? Есть новости о Проекте?

В колонии разрабатывались десятки проектов, направленных на то, чтобы сделать Марс более пригодным для человека, но Проект с большой буквы был только один – проект насыщения атмосферы кислородом. Пионеры из экспедиции Гарварда – Карнеги объявили, что Марс пригоден для колонизации, если не считать одного существенного факта: его воздух настолько разрежен, что человек будет в нем задыхаться. Тем не менее, доложили исследователи, в песках марсианской пустыни заключены многие биллионы тонн кислорода – это красный оксид железа, которому Марс и обязан своим цветом. Целью Проекта и было высвобождение этого кислорода.

– Разве вы не слышали днем новости с Деймоса?¹⁵

– Я их никогда не слушаю. Нервная система дороже.

– Без сомнения. Но на этот раз новости были хорошие. Опытный завод в Ливии заработал, и довольно успешно. За первый день они восстановили около четырех миллионов тонн кислорода – и ни одного сбоя.

– Четыре миллиона тонн? – ахнула миссис Марло. – Но это же ужасно много.

– А ты представляешь себе, – усмехнулся ее муж, – сколько понадобится времени одному заводу, чтобы справиться с такой задачей – довести давление кислорода до пяти фунтов на квадратный дюйм?

– Нет, не представляю. Но, мне кажется, не очень много.

– А вот посмотрим... – Он беззвучно зашевелил губами. – Получается около двухсот тысяч лет, марсианских конечно.

– Джеймс, ты надо мной насмехаешься?!

– Нет, нисколько. Но пусть эти цифры тебя не пугают, дорогая, мы, конечно, не будем зависеть от единственного завода. Их расставят в пустыне через каждые пятьдесят миль, и все будут мощностью в тысячу мегалошадиных сил. Слава богу, в энергии у нас недостатка нет, и если всей нашей жизни не хватит на эту работу, то, по крайней мере, наши дети обязательно увидят ее завершение.

– Как хорошо было бы погулять, подставив лицо ветерку, – мечтательно сказала миссис Марло. – Помню, когда я была маленькая, у нас был сад, а по нему бежал ручей... – Она внезапно замолчала.

– Жалеешь, что мы прилетели на Марс, Джейн? – мягко спросил муж.

– Нет-нет! Мой дом здесь.

– Вот и хорошо. Что это вы скисли, доктор?

– А? Да так, ничего. Просто задумался о конечном результате. Понимаете, это такая чудесная работа, трудная работа, хорошая работа, есть куда с головой уйти. И вот мы сделаем ее, а для чего? Чтобы еще два-три миллиарда баранов занимались тут всякой ерундой, чесались бы да зевали? Следовало бы оставить Марс марсианам. Знаете, сэр, для чего использовалось телевидение, когда оно только-только появилось?

¹⁵ Деймос – второй, после Фобоса, спутник Марса, названный в честь сына греческого бога Ареса и богини Афродиты; имя в переводе означает «ужас».

- Нет, откуда мне знать?
- Так вот, я сам, конечно, не видел, но отец мне рассказывал...
- Ваш отец? Сколько же ему было лет? Когда он родился?
- Ну, тогда мой дед. А может, и прадед. Не в этом суть. Первые телевизоры ставили в коктейль-барах (это такие увеселительные заведения), чтобы смотреть матчи по армрестлингу.
- Что такое «армрестлинг»? – спросила Филлис.
- Такой старомодный народный танец, – объяснил ей отец. – Так вот, принимая вашу точку зрения, доктор, я не вижу вреда...
- А что такое «народный танец»? – не унималась Филлис.
- Скажи ей, Джейн. Я выдохся.
- Это когда народ танцует, дурочка, – важно разъяснил Джим.
- В общем, правильно, – согласилась мать.
- Какой пробел в воспитании ребят, – опешил доктор Макрей. – Надо бы организовать клуб бального танца. Я в свое время считался неплохим кавалером.
- Филлис повернулась к брату:
- Скажешь, бальный танец – это когда баллы танцуют?
- Мистер Марло поднял брови:
- По-моему, дети уже все доели, дорогая. Может быть, мы их отпустим?
- Да, конечно. Можете встать из-за стола, милые. Олли, скажи: «Прошу меня извинить».
- Малыш повторил это – вместе с Виллисом. Джим торопливо вытер рот, схватил Виллиса и направился в свою комнату. Ему нравилось слушать разговоры доктора, но надо сознаться, что в компании других взрослых старик начинал нести несусветную чушь. Не интересовал Джима и кислородный проект. Он не видел ничего странного и неудобного в том, чтобы носить маску. Он чувствовал бы себя раздетым, выйдя из дому без нее.
- С точки зрения Джима, Марс был хорош и такой, как есть, и нечего стараться, чтобы он больше походил на Землю. Подумаешь, Земля. Его личное впечатление о Земле складывалось из туманных воспоминаний раннего детства: станция подготовки эмигрантов на высокогорном боливийском плато, холод, одышка и постоянная усталость.
- Сестра увязалась за ним. Подойдя к своей двери, Джим остановился:
- Тебе чего, малявка?
- Э-э-э, Джимми, прости, что я сказала, что стреляю лучше, чем ты. На самом деле я наврала.
- Та-а-ак, и к чему ты ведешь?
- Ну... Слушай, Джимми, ведь я буду заботиться о Виллисе, когда ты уедешь в школу, так ты бы сказал ему об этом заранее, чтобы он меня слушался.
- Джим вытаращил глаза:
- С чего это ты взяла, что я его оставляю?
- Сестра в свою очередь уставилась на него:
- А как же? Как же иначе? Не можешь же ты взять его в школу? Вот спроси у мамы.
- Мама тут ни при чем. Ее не интересует, что я беру с собой в школу.
- А ты спроси, спроси ее! Домашних животных нельзя брать в школу. Я слышала, как она вчера говорила с мамой Фрэнка Саттона.
- Виллис не домашнее животное. Он... он...
- Он что?
- Он друг, вот что он такое: друг!
- Ну, он и мой друг тоже, правда, Виллис? Жади́на ты, вот и все.
- Ты всегда говоришь, что я жади́на, если я не делаю того, что тебе хочется!
- А о Виллисе ты подумал? Здесь его дом, он к нему привык. Он будет тосковать в школе по дому.

– У него буду я!

– Не всегда. Ты будешь в классе. А Виллису останется только сидеть и грустить. Ты должен оставить его со мной, с нами, здесь, где ему хорошо.

Джим выпрямился:

– Я пойду и выясню это прямо сейчас.

Он вернулся в столовую и стал ждать, когда его заметят. Вскоре отец обратился к нему:

– Да? Что у тебя, Джим? Хочешь что-то спросить?

– Да. Папа, решено ведь, что Виллис поедет со мной в школу?

Отец удивился:

– Я никогда бы не подумал, что ты захочешь взять его с собой.

– Что? А почему нет?

– Ну, ему ведь в школе не место.

– Почему?

– Ты же не сможешь заботиться о нем как надо. Ты будешь все время занят.

– Виллис не требует большой заботы. Его надо покормить раз в месяц да напоить раз в неделю, вот и все. Почему же нельзя взять его, папа?

Мистер Марло в замешательстве повернулся к жене.

– Джимми, милый, – начала мать, – мы же не хотим, чтобы ты...

– Мама, – перебил Джим, – каждый раз, когда ты хочешь меня от чего-то отговорить, ты говоришь: «Джимми, милый».

Губы матери дрогнули, но она удержалась от улыбки:

– Извини, если так. Но я вот что хотела сказать: мы хотим, чтобы ты начал свою школьную жизнь хорошо и успешно. С Виллисом на руках тебе это вряд ли удастся. На самом деле миссис Саттон говорила мне на днях, что она слышала, будто домашних животных там держать запрещено. Она сказала...

– Откуда ей вообще об этом знать?

– Ну, она говорила с женой представителя.

Джим не нашел что сказать. У жены представителя Марсианской компании в Южной колонии источники информации, несомненно, были лучше, чем у него. Но сдаваться он не собирался:

– Слушай, мама. Слушай, папа. Вы оба видели брошюрку, которую мне прислали из школы. Там говорится, что надо делать, что брать с собой, когда явиться и все такое. Если кто-нибудь из вас найдет там указание, что Виллиса брать нельзя, я молчу, как марсианин. Идет?

Миссис Марло вопросительно посмотрела на мужа. Мистер Марло ответил ей столь же беспомощным взглядом. Он остро ощущал присутствие доктора Макрея, молча наблюдавшего за ними с сардонической усмешкой на лице.

Мистер Марло пожал плечами:

– Забирай Виллиса, Джим. Но это будет твоя проблема.

– Спасибо, папа! – Лицо Джима расплылось в улыбке, и он быстро вышел из комнаты, пока родители не передумали.

Мистер Марло выколотил трубку в пепельницу и сердито глянул на доктора:

– Ну и чего вы усмежаетесь, старая обезьяна? Думаете, я дал слабину?

– Да вовсе нет! Я считаю, вы поступили совершенно правильно.

– Думаете, любимчик Джима не доставит ему в школе проблем?

– Я думаю как раз наоборот, поскольку немного знаком со светскими манерами Виллиса.

– Почему же вы тогда говорите, что я поступил правильно?

– А почему у мальчика не должно быть проблем? Проблемы – это естественное состояние рода человеческого. Мы на них выросли. Мы жить без них не можем.

– Иногда я думаю, доктор, что вы ненормальный – вроде жука-вертуна, как выразился бы Джим.

– Возможно. Но поскольку я единственный медик в округе, засвидетельствовать это некому. Миссис Марло, не затруднит ли вас налить старику еще чашечку вашего восхитительного кофе?

– Конечно, доктор. – Налив кофе, она сказала: – А знаешь, Джеймс, я довольна, что ты разрешил Джиму взять Виллиса. Мне это очень облегчит жизнь.

– Почему, дорогая? Джим правильно сказал, этот малыш не требует особой заботы.

– Да, это верно. Но если бы он еще не был таким откровенным...

– В самом деле? Я думал, он как раз идеальный свидетель при разборе ребячьих ссор?

– Да, так и есть. Он воспроизводит все, что слышит, словно магнитофон. В том-то и беда. – Огорчение на лице Джейн сменилось усмешкой. – Вы знаете миссис Поттл?

– Конечно, – ответил доктор, затем добавил: – Куда от нее денешься? Я, несчастный, в ответе за ее «нервы».

– Она в самом деле больна, доктор? – спросила миссис Марло.

– Она слишком много ест и недостаточно много работает. Входить в дальнейшие детали запрещает мне профессиональная этика.

– Я не знала, что она у вас есть.

– Имейте уважение к моим сединам, леди. Так что же эта Поттл?

– На той неделе приходила на ланч Люба Конски, и мы заговорили о миссис Поттл. Честное слово, Джеймс, я ничего такого не говорила и не знала, что Виллис сидит под столом.

– А он сидел? – Мистер Марло прикрыл глаза. – Продолжай.

– Ну, вы же помните, что Поттлы в Северной колонии жили в доме у Конски, пока им не построили свой. С тех пор Люба Сару Поттл терпеть не может и во вторник поделилась со мной некоторыми аппетитными подробностями относительно Сариних домашних привычек. Через пару дней заходит Сара поучить меня, как надо воспитывать детей. На каких-то ее словах Виллис включился (я знала, что он в комнате, но у меня и в мыслях не было, что он что-то выкинет). И стал прокручивать как раз ту самую запись, а я никак не могла его заткнуть и наконец просто вынесла из комнаты. Миссис Поттл ушла не попрощавшись, и с той поры о ней ни слуху ни духу.

– Небольшая потеря, – заметил мистер Марло.

– Это верно, но Люба-то за что пострадала? Ее акцент ни с чем не спутаешь, а у Виллиса он получается лучше, чем у самой Любы. Не думаю, чтобы Люба на меня за это обиделась, но слышали бы вы в исполнении Виллиса рассказ о том, как Сара Поттл выглядит по утрам и что она при этом предпринимает.

– А ты бы слышала, – откликнулся Макрей, – что миссис Поттл думает о проблеме прислуги.

– Я слышала. Она считает безобразием, что Компания не импортирует для нас слуг.

– Да, прямо в ошейниках, – кивнул доктор.

– Ну и женщина! И зачем только она стала колонисткой?

– А ты не знаешь? – спросил муж. – Они прибыли сюда, рассчитывая быстро разбогатеть.

– Хм!

– Миссис Марло, – с отрешенным видом сказал доктор Макрей, – мне, как лечащему врачу миссис Поттл, было бы полезно послушать, что имеет сказать Виллис по ее поводу. Как вы думаете, согласится он нам это прочесть?

– Доктор, вы старый мошенник и собиратель сплетен.

– Само собой. А еще я люблю подслушивать и подглядывать в окна.

– Вы бесстыдник.

– Опять согласен. Мои нервы расслаблены. Я уже много лет не испытывал стыда.

- Правда, Виллис может нам устроить захватывающую передачу – разговоры детей за последние две недели.
- Может быть, вы его уговорите?
- Попробуем. – Миссис Марло улыбнулась и отправилась за Виллисом.

Глава 3

Гекко

Утро среды выдалось холодным и ясным, что для Марса дело обычное. Все Саттоны и Марло, за исключением Оливера, собрались на грузовой пристани колонии, на западном рукаве канала Стримон, чтобы проводить мальчиков в дорогу.

Температура повышалась, ровно дул рассветный бриз, но было все еще около минус тридцати. Канал был покрыт серовато-голубым льдом, на этой широте он сегодня не растает. На канале у пристани стоял почтовый скутер Малого Сырта – лодочный корпус на острых полозьях. Водитель перетаскивал внутрь грузы из склада, расположенного на причале. Две семьи толпились неподалеку, дожидаясь посадки.

Молодежь легко было различить по маскам: тигровым полоскам Джима, боевой раскраске Фрэнсиса и радужному орнаменту Филлис. Взрослые отличались друг от друга только ростом, фигурой и манерой поведения. Кроме членов семей, здесь были доктор Макрей и отец Клири. Священник тихо и серьезно говорил что-то Фрэнку, потом обратился к Джиму:

– Твой пастор просил меня попрощаться с тобой, сынок. Он, бедняга, к несчастью, слег с марсианским катаром, но все равно пришел бы, если б я не спрятал его маску. – Протестантский священник, как и католический, был холостяком, и они жили в одном доме.

– Ему очень плохо? – спросил Джим.

– Нет, не очень. Он не умрет, по крайней мере пока я не сделаю из него католика. Прими его благословение и мое тоже. – Священник протянул руку.

Джим поставил дорожную сумку, переложил коньки и Виллиса в левую руку и ответил на рукопожатие. Наступило неловкое молчание. Наконец Джим сказал:

– Почему бы вам всем не пойти в помещение, пока вы не окончатели окончательно?

– Точно, – поддержал Фрэнсис. – Хорошая мысль.

– Кажется, водитель скоро будет готов, – сказал мистер Марло. – Ну, сынок, береги себя. Увидимся, когда будем переезжать. – Он торжественно потряс сыну руку.

– До скорого, папа.

Миссис Марло обняла сына, прижав свою маску к его:

– Ох, малыш, рано тебе еще уезжать из дому.

– Ну, мама! – Джим крепко обнял мать. Потом пришлось обнять Филлис.

– Пассажиры, по местам! – позвал водитель.

– Всем пока! – Джим повернулся, но кто-то поймал его за локоть. Это был доктор.

– Будь осторожен, Джим. И не давай никому запудрить тебе мозги.

– Спасибо, док. – Джим предъявил водителю доверенность от школы. Доктор в это время попрощался с Фрэнсисом.

– Оба задарма? – спросил водитель. – Ну, раз платных пассажиров все равно нет, можете ехать на обзорных местах.

Он оторвал себе корешок, Джим залез в скутер и прошел на возжеленное обзорное место – сзади, над кабиной водителя. Фрэнк последовал за ним.

Машина задрожала, это отрывались ото льда полозья. Потом взревела турбина, и скутер с легким свистом тронулся в путь. Берега проплывали мимо, сливаясь в одну сплошную стену, скорость нарастала. Лед был гладкий, как зеркало, и вскоре скутер набрал свою крейсерскую скорость – двести пятьдесят миль в час. Немного погодя водитель снял маску. Джим и Фрэнк, глядя на него, сделали то же самое. Давление в машине теперь поддерживалось пневматическим устройством, работающим от потока встречного воздуха, а с ростом давления сразу потеплело.

– Здорово, правда? – сказал Фрэнк.

– Ага. Смотри, Земля.

Их родная планета плыла по небу на северо-востоке, выше Солнца, сияя зеленым светом на темно-лиловом фоне. Рядом с ней, ясно видимая невооруженным глазом, светилась белая звездочка поменьше – Луна, спутник Земли. Дальше на север, в той стороне, куда они направлялись, не выше двадцати градусов над горизонтом, висел Деймос, внешний спутник Марса. Это был крошечный бледный диск, чуть больше тусклой звезды, и сильно уступающий по яркости Земле.

Фобос, внутренняя луна, не был виден. На широте Харакса он поднимается над северным горизонтом не выше чем на восемь градусов и не дольше чем на час дважды в сутки. Днем он теряется в синеве горизонта, а наблюдать его ночью на морозе дураков нет. Джим не мог припомнить, когда и видел его, разве что во время миграции между колониями.

Фрэнк перевел взгляд с Земли на Деймос.

– Попроси водителя включить радио, – сказал он, – Деймос взошел.

– Да кому это интересно? – ответил Джим. – Я хочу смотреть.

Берега теперь стали пониже, с верхних мест за ними виднелись поля. Хотя была уже осень, орошаемый пояс вдоль канала еще зеленел и на глазах становился все зеленее – растения выбирались из почвы навстречу утреннему солнцу.

Там и сям вдалеке изредка мелькали красные дюны – предвестницы пустыни. Зеленый пояс восточного рукава канала не был виден, его скрывал горизонт.

Водитель и без просьбы включил радио. Машину наполнила музыка, заглушив низкий рев турбореактивного двигателя. Это была земная классическая музыка, написанная в прошлом веке композитором Сибелиусом. Марсианские колонисты не успели еще создать собственное искусство, и культуру приходилось брать взаймы. Впрочем, ни Джим, ни Фрэнк не знали, чья это музыка, и это их не беспокоило. Берега канала снова ушли вверх, и ничего не стало видно, кроме ровной ленты льда. Мальчики откинулись на спинки кресел и погрузились в грезы.

Виллис шевельнулся в первый раз с тех пор, как его коснулся утренний холод. Он выставил глазные отростки, огляделся и начал отбивать ими такт.

Музыка умолкла, и диктор сказал:

– Говорит станция Ди-эм-эс, Марсианская компания, Деймос, орбита Марса. Сегодня мы передаем из Малого Сырта программу, представляющую общественный интерес. Доктор Грейвз Армбастер расскажет об экологических аспектах экспериментального искусственного симбиоза в связи с...

Водитель немедленно выключил радио.

– Я бы послушал, – недовольно сказал Джим. – Это что-то интересное.

– Да ладно прикидываться, – сказал Фрэнк. – Ты и слов-то этих не знаешь.

– Черта с два. Это значит...

– Заткнись, давай лучше поспим немного. – С этими словами Фрэнк откинулся в кресле и закрыл глаза.

Но поспать ему не пришлось. Виллис, очевидно, переработал у себя в уме или в том, что его заменяло, услышанную им передачу и теперь начал трансляцию, не упустив ничего, даже деревянных духовых.

Водитель в изумлении оглянулся и что-то сказал, но за Виллисом его не было слышно. Виллис исполнил все до конца, включая и прерванное объявление. Голос водителя наконец прорвался:

– Эй, ребята! Что у вас там? Никак магнитофон?

– Нет, попрыгунчик.

– Чего-чего?

Джим поднял Виллиса и показал его водителю:

– Попрыгунчик. Его зовут Виллис.
Водитель выпучил глаза:
– Ты хочешь сказать, что эта штука и есть магнитофон?
– Нет, это попрыгунчик. Я же говорю, его зовут Виллис.
– Это надо посмотреть, – сказал водитель. Он переключил что-то на панели управления, встал и просунул голову и плечи к ним под колпак.
– Эй! – сказал Фрэнк. – Мы же так разобьемся.
– Расслабься, – посоветовал водитель. – Я включил автоматический эхолот – теперь еще миль двести будут высокие берега. Ну-ка, что за штуковина? Когда ты с ним сидел в машину, я подумал, это волейбольный мяч.
– Нет, это Виллис. Поздоровайся с дядей, Виллис.
– Здравствуй, дядя, – тут же с готовностью откликнулся Виллис.
Водитель почесал в затылке:
– Я такого и в Кеокуке не видал. Он что-то вроде попугая?
– Он попрыгунчик. У него есть и научное название, но оно значит просто «марсианин круглоголовый». Вы их никогда разве не видели?
– Нет. Я тебе скажу, парень, это самая чокнутая планета во всей системе.
– Если вам здесь не нравится, – сказал Джим, – почему бы вам не вернуться туда, откуда пришли?
– Не дерзи, юноша. Сколько возьмешь за зверюшку? У меня насчет него одна идея появилась.
– Виллиса продать? Вы что, с ума сошли?
– Иногда мне кажется, что да. Ладно, это я так.
Водитель вернулся на место, но не утерпел и оглянулся на Виллиса.
Мальчики вытащили из своих дорожных сумок сэндвичи и принялись жевать. После этого предложение Фрэнка вздремнуть показалось Джиму хорошей идеей. Они спали, пока скутер не начал замедлять ход. Джим сел, поморгал и спросил:
– Это что?
– Станция Киния,¹⁶ – ответил водитель. – Простоим тут до заката.
– Что, лед не держит?
– Пока держит, но кто его знает. Температура поднимается, и я не собираюсь рисковать.
Скутер плавно затормозил, вполз по рампе на низкие мостки и остановился окончательно.
– Все на выход! – скомандовал водитель. – Чтобы к закату были на местах, не то останетесь. – Он вышел, мальчики – за ним.
Станция Киния находилась в трех милях к западу от древнего города Киния, в месте, где западный Стримон впадает в канал Оэроэ.¹⁷ При станции был буфет, комната для ночлега и несколько сборных складов. На востоке мерцали в небе пернатые башни Кинии, казалось, что они колеблются в воздухе, слишком прекрасные, чтобы быть настоящими.
Водитель прошел в здание станции. Джиму хотелось побродить по городу, а Фрэнк предлагал сначала зайти в буфет. Победил Фрэнк. Мальчики вошли и осмотрительно отложили часть своих скромных капиталов на кофе и безвкусный суп. Водитель оторвался от обеда и сказал:
– Эй, Джордж! Видал когда-нибудь такое? – Он показал на Виллиса.
Джордж был буфетчиком, а также кассиром, портье, начальником станции и агентом Компании. Он взглянул на Виллиса и коротко ответил:

¹⁶ Киния – место названо в честь озера в Греции.

¹⁷ Оэроэ – в греческой мифологии наяда, дочь реки Асопос в Беотии.

– Угу.

– Да ну? Где? А я смогу такого поймать?

– Сомневаюсь. Они иногда трутся около марсиан. Не все, некоторые. – И Джордж вернулся к чтению «Нью-Йорк таймс» двухлетней давности.

Мальчики поели, заплатили по счету и собрались выйти. Агент-буфетчик задержал их:

– Стойте-ка, ребята. Вы куда собрались?

– В Малый Сырт.

– Я не о том. Вот сейчас вы куда собрались? Пошли бы лучше в спальню, может, вздремнули бы.

– Мы хотели погулять тут, – объяснил Джим.

– Ладно. Но держись подальше от города.

– Почему?

– Компания не позволяет, вот почему. Только по разрешениям. Так что советую держаться подальше.

– А как получить разрешение? – настаивал Джим.

– А никак. Киния пока еще не открыта для эксплуатации. – Он вернулся к газете.

Джим хотел возразить, но Фрэнк дернул его за рукав, и они вышли. Джим сказал:

– По-моему, это не его дело – указывать нам, можно ходить в Кинию или нет.

– Какая разница? Он-то считает, что это его дело.

– Ну и что теперь будем делать?

– Пойдем в Кинию, конечно. Не спросившись у его милости.

– А если он нас поймает?

– Где там. Разве он поднимется с нагретого стула? Пошли.

– Ладно.

И они пошли на восток. Идти было нелегко: никакой дороги не было, а растительность, окаймляющая канал, распустилась особенно пышно, пытаясь поймать лучи полуденного солнца. Но слабое притяжение Марса облегчает ходьбу, даже когда продираешься сквозь заросли. Вскоре мальчики вышли на берег Оэроэ и повернули направо, к городу.

Идти по берегу, мощенному камнем, стало легко. Воздух был теплым и ароматным, хотя на канале еще не стоял лед. Солнце стояло высоко: теперь они были почти на тысячу миль ближе к экватору, чем утром.

– Тепло, – сказал Виллис. – Виллис хочет гулять.

– Ладно, – ответил Джим, – только не провались никуда.

– Виллис не провались.

Джим спустил его на землю, и маленькое существо принялось шнырять вдоль берега то вприпрыжку, то кубарем, то и дело ныряя в буйные заросли, как щенок, исследующий новую территорию.

Они прошли уже с милю – городские башни высоко поднимались в небо – и тут встретили марсианина. Он был невысок для представителя своей расы – всего около двенадцати футов ростом – и стоял совершенно неподвижно, опустив все три ноги, очевидно уйдя глубоко в себя. Глаз, обращенный к мальчикам, не мигая, смотрел в окружающий мир.

Джим и Фрэнк давно привыкли к марсианам и поняли, что этот ушел в «иной мир». Они замолчали и прошли мимо, стараясь не задеть его ног.

Виллис поступил иначе. Он стал шмыгать в ногах у марсианина, тереться о них, а потом пару раз жалобно каркнул.

Марсианин зашевелился, посмотрел по сторонам, потом вдруг нагнулся и подхватил Виллиса.

– Эй! – завопил Джим. – А ну положи его!

Ответа не было.

Джим поспешно обернулся к Фрэнку:

– Скажи ему, Фрэнк. Меня он никогда не поймет. Пожалуйста!

Джим плохо понимал язык марсиан, а говорил на нем еще хуже. У Фрэнка получалось немного лучше, но только в сравнении с Джимом. Люди, говорящие по-марсиански, жалуются, что от этого болит горло.

– А что ему сказать?

– Скажи, чтобы положил Виллиса! А не то, ей-богу, я сожгу ему ноги!

– Ой, ладно, Джим, ты никогда ничего такого не сделаешь. Иначе у всей твоей семьи будут большие проблемы.

– Если он как-то повредит Виллису, я обязательно это сделаю!

– Пора бы тебе повзрослеть, парень. Марсиане никогда никому не причиняют вреда.

– Вот и скажи – пусть отпустит Виллиса.

– Попробую.

Фрэнк скривил рот и приступил к делу. Произношение, и без того плохое, искажалось вдобавок маской и волнением. Все же Фрэнк с грехом пополам прокудахтал и прокаркал фразу, которая как будто передавала смысл просьбы Джима.

Никакого результата.

Фрэнк попробовал еще раз, прибегнув теперь к другой идиоме, – с тем же успехом.

– Бесполезно, Джим, – сознался он. – То ли он не понимает, то ли не желает понимать.

– Виллис! – закричал Джим. – Эй, Виллис! Ты как там?

– Виллис хорошо!

– Прыгай! Я тебя поймаю.

– Виллис хорошо.

Марсианин покачал головой, – похоже, он наконец-то обнаружил присутствие Джима. Виллиса он держал в одной руке; две другие руки внезапно опустились и поймали Джима – одна ладонь подхватила его сзади, другая придерживала за живот. Из-за нее Джим не смог добраться до своего пистолета, что было, пожалуй, к лучшему.

Джим почувствовал, что его отрывают от земли, а потом он очутился прямо перед большим влажным глазом марсианина. Марсианин покачивал головой, чтобы как следует рассмотреть Джима.

Сейчас Джим был ближе к марсианину, чем когда-либо в своей жизни, и не слишком этому радовался. Хуже всего было то, что миниатюрный компрессор, расположенный в верхней части его маски, теперь нагнетал под маску не только разреженный воздух, но и запах тела туземца. Вонь была удушающей. Он попробовал вывернуться, но марсианин, такой хрупкий с виду, был сильнее его.

Неожиданно марсианин что-то прогудел, голос шел у него с макушки. Джим не понял, что он сказал, уловил только символ вопроса в начале предложения, но голос произвел на него странное действие. В этом режущем ухо карканье было столько тепла, симпатии и дружелюбия, что Джим перестал бояться. Туземец стал казаться ему старым и близким другом. Даже вонь больше не беспокоила Джима.

Марсианин повторил вопрос.

– Что он сказал, Фрэнк?

– Не уловил. Поджарить его? – Фрэнк стоял внизу, нервно сжимая в руке пистолет, дуло которого плясало в воздухе, и, похоже, не знал, что ему делать.

– Нет-нет! Он настроен мирно, только я его не понимаю.

Марсианин снова заговорил. Фрэнк вслушался и произнес:

– Кажется, он приглашает тебя пойти с ним.

Джим колебался лишь долю секунды:

– Скажи, я согласен.

– Джим, ты в своем уме?

– Все нормально. Он ничего плохого не замышляет, я уверен.

– Ну ладно. – И Фрэнк прокаркал утвердительный ответ.

Туземец поджал одну ногу и быстро зашагал к городу.

Фрэнк трусил следом, изо всех сил стараясь не отставать, но марсианин шел слишком быстро. Фрэнк задохнулся, остановился и крикнул:

– Подождите меня!

Маска глушила его голос.

Джим попытался построить фразу с просьбой остановиться, понял, что не сможет, потом его осенило.

– Виллис, Виллис, мальчик мой. Скажи ему, пусть подождет Фрэнка.

– Подождать Фрэнк? – с сомнением протянул Виллис.

– Да. Подождать Фрэнк.

– Ладно.

Виллис угукнул что-то их новому другу, марсианин остановился и опустил третью ногу. Когда Фрэнк, отдуваясь, догнал их, марсианин оторвал одну руку от Джима и подхватил ею Фрэнка.

– Эй! – запротестовал Фрэнк. – Ты это брось!

– Спокойствие, – сказал Джим.

– Да не хочу я, чтобы меня несли. Фу, господи, какой запах! Бу-э-э!

– Запах? Не будь девчонкой, он пахнет лучше, чем ты.

Фрэнк начал что-то отвечать, но его прервал марсианин – он снова тронулся в путь. Обремененный новой ношей, он теперь шел на трех ногах, чередуя их так, чтобы в любой момент две ноги опирались на землю. Аллур был тряским, но на удивление быстрым. Фрэнк перевел дыхание и продолжил:

– А ну-ка, повтори, что ты сказал? Вот спустимся на землю, я покажу тебе, кто тут плохо пахнет.

– Ладно, забудь, – сказал Джим. – Как ты думаешь, куда он нас несет?

– Наверное, в город. Как бы не опоздать на скутер.

– У нас есть еще несколько часов в запасе, так что не дергайся.

Марсианин больше ничего не говорил, а все шагал и шагал к городу. Виллис, похоже, был счастлив, как пчела в цветочном магазине. Джим устроился поудобнее и наслаждался поездкой. Здесь, в десяти футах над землей, у него был отличный обзор. Отсюда он мог видеть над верхушками растений, заполонивших берега канала, радужные башни Кинии. Они были не такие, как башни Харакса, ни один марсианский город не похож на другой. Все они словно уникальные произведения искусства, отражающие замысел разных художников.

Джиму любопытно было знать, зачем построены эти башни, для чего они нужны и сколько им лет.

Вокруг них расстился растительный пояс канала, марсианин шел, по пояс погруженный в это темно-зеленое море. Широкие листья раскрылись навстречу солнцу, жадно ловя живительную энергию лучей. Они сворачивались, пропуская туземца, а за его спиной распускались снова.

Башни стали гораздо ближе. Марсианин внезапно остановился и отправил мальчиков вниз, оставив себе Виллиса. Перед ними, почти скрытый нависшей растительностью, начинался пологий спуск, скрывавшийся в арке туннеля.

– Что думаешь, Фрэнк? – спросил Джим, заглянув туда.

– Ох, не знаю.

Мальчикам и раньше приходилось бывать в городах Харакс и Копайс, но они посещали только заброшенные и наземные кварталы. Впрочем, долго раздумывать им не пришлось: их проводник быстрым шагом начал спускаться.

Джим побежал за ним с криком:

– Эй, Виллис!

Марсианин остановился и обменялся с Виллисом парой слов. Попрыгунчик крикнул в ответ:

– Джим, подожди.

– Скажи, чтобы он тебя отпустил.

– Виллис хорошо. Джим, подожди.

Марсианин снова рванул вперед так, что Джиму было за ним не угнаться. Расстроившись, он вернулся к началу пандуса и уселся на выступ.

– Что теперь будешь делать? – спросил Фрэнк.

– Ждать, что же еще. А ты?

– Я как ты. Но я не собираюсь опаздывать на скутер.

– Да я тоже не собираюсь. Все равно после заката мы не сможем тут оставаться.

– Это точно.

Стремительное понижение температуры на заходе – это единственное погодное явление на Марсе, и для землянина оно означает смерть, если он недостаточно тепло одет и не находится все время в движении.

Мальчики сидели, ждали и смотрели на шмыгающих мимо них жуков-вертунов. Один задержался у колена Джима – трехногая козявка не больше дюйма ростом. Похоже было, что он изучает новый объект. Джим тронул его пальцем, жучок растопырил ножки и вихрем умчался прочь. Быть настороже не было необходимости: водоисалки не подходят близко к марсианским поселениям. Оставалось только ждать.

Примерно через полчаса вернулся их марсианин – по крайней мере, марсианин такого же роста. Виллиса с ним не было, и у Джима вытянулось лицо. Марсианин пригласил их следовать за ним, поставив в начале фразы символ вопроса.

– Ну как, идем? – спросил Фрэнк.

– Идем. Скажи ему.

Фрэнк перевел, и все трое стали спускаться. Марсианин положил свои большие ладони мальчикам на плечи и так вел их, потом остановился и взял их на руки. На этот раз они не возражали.

В туннеле было светло как днем, хотя они и спустились на несколько сот ярдов под землю. Дневной свет шел отовсюду, но главным образом с потолка. Туннель по человеческим меркам был высоким, по марсианским – в самый раз. Им встречались другие туземцы. Тех, кто шевелился, их знакомый приветствовал, а застывших в характерной позе транса обходил молча.

В одном месте их проводник перешагнул через шар футов трех в диаметре. Джим сначала не понял, что это такое, потом сообразил и был поражен. Вывернув шею, он оглянулся. Такого не могло быть – и все же это было!

Перед ним было то, что нечасто доводится видеть человеку и что ни один человек не стремится увидеть. Это был марсианин, свернувшийся в шар. Ладони закрывали все, кроме круглой спины. Марсиане, современные, цивилизованные марсиане не впадают в зимнюю спячку, но их предкам в какую-то отдаленную эпоху это, должно быть, было свойственно: любой марсианин устроен так, что способен принять вот такую сферическую форму, сохраняющую тепло и влажность тела. Если пожелает.

Но такое желание приходит нечасто.

Для марсианина такая поза означает то же, что для землянина вызов на дуэль. Он прибегает к ней только тогда, когда оскорблен до глубины души. Поза гласит: я отрекаюсь от вас, я ухожу из вашего мира, я отрицаю ваше существование.

Первые земляне, прибывшие на Марс, не понимали этого и по незнанию местных обычаев часто оскорбляли чувства марсиан. Это на много лет задержало колонизацию Марса человеком. Самые искусные дипломаты и семантики Земли с трудом смогли исправить вред, нанесенный по недомыслию. Джим смотрел, не веря своим глазам, на удалившегося от мира марсианина и думал: что же могло заставить его поступить так по отношению ко всему городу? Джиму вспомнилась одна страшная история, которую рассказывал доктор Макрей о второй экспедиции на Марс.

– ...И тут этот дурак набитый, – говорил доктор, – он был лейтенантом медицинской службы, как ни стыдно в этом признаться, этот идиот хватается беднягу за руки и пытается вернуть его. Вот тогда это и случилось.

– Что случилось? – спросил Джим.

– Он исчез.

– Марсианин?

– Нет, офицер.

– Как это исчез?

– Ты меня не спрашивай, меня там не было. Свидетели, их было четверо, показали под присягой, что он там был, а потом его не стало. Будто наткнулся на буджума.¹⁸

– Что за «буджум»?

– Нынешних деток что, совсем ничему не учат? Про буджума почитаешь в книге, я найду для тебя экземпляр.

– Но каким образом он исчез?

– Не спрашивай. Назови это массовым гипнозом, если тебе от этого легче. Мне, например, легче, но ненамного. Все, что я могу сказать, – это что семь восьмых айсберга всегда скрыты от нас.

Джим никогда не видел айсберг, и ассоциация ничего ему не говорила. И ему отнюдь не стало легче, когда он увидел свернувшегося марсианина.

– Ты видел? – спросил Фрэнк.

– Лучше б я этого не видел, – ответил Джим. – Интересно, с чего это он?

– Может, он баллотировался в мэры и не прошел.

– Тут не над чем смеяться. Может, он... ш-ш!

Они приближались к другому марсианину, неподвижному, и вежливость обязывала хранить молчание.

Марсианин, который их нес, неожиданно повернул налево и вошел в зал. Здесь он опустил мальчиков на пол. Зал показался им огромным, но марсиане, должно быть, считали его как раз подходящим для небольшой вечеринки. Множество конструкций, которыми марсиане пользуются вместо стульев, были составлены в круг. Зал тоже был круглым, с куполом вверх. Казалось, что стоишь под открытым небом: на куполе был изображен марсианский небосвод, голубой на горизонте, выше переходящий в глубокую синеву, потом в пурпур, а в высшей точке купола пурпурно-черный с проглядывающими звездами. Миниатюрное солнце, совсем как настоящее, висело к западу от небесного меридиана. Благодаря какому-то хитрому трюку горизонт казался отдаленным. На северной стене был виден канал Оэроэ.

– Ух ты! – только и мог сказать Фрэнк, а Джима и на это не хватило.

Марсианин поставил их рядом с двумя «наседатами», но мальчики не собирались на них садиться: на приставной лестнице сидеть и то удобнее. Марсианин посмотрел своими боль-

¹⁸ Персонаж поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка».

шими печальными глазами сначала на «наседы», потом на мальчиков и вышел из зала. Вскоре он вернулся в сопровождении еще двоих, все трое несли в руках охапки разноцветных тканей, которые сложили посреди комнаты. Первый марсианин поднял Джима и Фрэнка и осторожно опустил их в эту груду.

– По-моему, он предлагает нам присесть, – заметил Джим.

Материал оказался не тканью, а полотнищем вроде паутины, почти таким же мягким, но гораздо прочнее. Полотнища были окрашены во все цвета радуги, от пастельно-голубого до глубокого густо-красного цвета. Мальчики растянулись на них и ждали, что будет дальше.

Их знакомый устроился в одной из конструкций, двое других последовали его примеру. Все они молчали, а мальчики были не какие-нибудь туристы, они знали, что бесполезно пытаться торопить марсианина. Вскоре Джиму пришла в голову одна мысль. Чтобы проверить ее, он осторожно приподнял маску.

Фрэнк рявкнул:

– Ты чего это? Задохнуться решил?

Джим поднял маску на лоб:

– Порядок. Давление в норме.

– Быть не может. Мы же не проходили через шлюз.

– Ну как хочешь.

Видя, что Джим не синее, не задыхается и не падает, обессилев, на пол, Фрэнк отважился последовать его примеру. Оказалось, что дышать можно. Правда, давление было ниже того, к которому он привык дома (жителю Земли показалось бы, что он попал в стратосферу), но для человека в состоянии покоя оно было достаточным.

Пришли еще несколько марсиан и неторопливо расположились на «наседках». Помолчав, Фрэнк сказал:

– Знаешь, что тут происходит, Джим?

– Кажется, да.

– Чего там «кажется». Это «сближение».

«Сближение» – это неточный перевод марсианской идиомы, обозначающей наиболее пространственную форму общения марсиан – попросту говоря, когда все сидят и молчат. Подобным же образом игру на скрипке можно описать как вождение конским волосом по высушенным кошачьим кишкам.

– Похоже на то, – согласился Джим. – И нам лучше заткнуться.

– Само собой.

Молчание было долгим. Джим отвлекся и стал думать о школе, о том, что ждет его там, о своих близких, о прошлом. Потом вернулся к своему душевному состоянию и понял, что давно уже не был так счастлив – без всяких видимых на то причин. Это было тихое счастье: ему не хотелось смеяться, даже улыбаться не хотелось, просто он испытывал полный покой и довольство.

Он остро ощущал присутствие марсиан, каждого марсианина в отдельности, и это ощущение становилось все сильнее. Он никогда раньше не замечал, как они красивы. У колонистов была поговорка «страшный, как туземец», и Джим с удивлением припомнил, что и сам ею пользовался. Сейчас он не понимал, как мог говорить такое.

Он ощущал и присутствие Фрэнка рядом с собой и думал о том, как его любит. «Преданный» – вот подходящее слово для такого, как Фрэнк, замечательного человека, на которого можно положиться. Странно, что он никогда не говорил Фрэнку, что любит его.

Немного не хватало Виллиса, но Джим не беспокоился о нем. Такое общение Виллису не по вкусу, ему подавай что-нибудь шумное, бурное и не столь изысканное. Джим перестал думать о Виллисе, лег поудобнее и стал впитывать радость бытия. Он с восторгом отметил, что по воле художника, украшавшего зал, миниатюрное солнце движется по небу, как настоящее.

Джим следил за тем, как оно склоняется к западу и начинает закатываться за нарисованный горизонт.

Рядом с ним послышалось тихое гудение, слов он не разобрал. Другой марсианин ответил. Один из хозяев встал, раскладываясь, со своего сиденья и неспешно вышел из комнаты.

Фрэнк сел и сказал:

– Кажется, мне снился сон.

– Ты что, заснул? – спросил Джим. – А я нет.

– Черта с два ты не спал. Храпел, как доктор Макрей.

– Да я даже не засыпал.

– Рассказывай!

Марсианин, который выходил, вернулся. Джим был уверен, что это тот самый, – теперь он стал различать их. В руках у марсианина была чаша. Фрэнк вытаращил глаза:

– Они что, собираются поднести нам воду?

– Похоже на то, – с трепетом ответил Джим.

– Лучше, чтобы это осталось между нами, – покачал головой Фрэнк, – все равно никто не поверит.

– Это да. Ты прав.

Церемония началась. Марсианин с чашей назвал свое имя, поднес край чаши к губам и передал другому. Тот также произнес свое имя, пригубил чашу, и она пошла дальше по кругу. Оказалось, что марсианина, который их привел, зовут Гекко, – Джим подумал, что имя красивое и подходит ему. Наконец чаша дошла до Джима, сосед протянул ее с пожеланием:

– Да не придется тебе никогда страдать от жажды.

Джим легко понял смысл слов.

Все хором подхватили:

– Да будешь ты пить вволю, когда только пожелаешь!

Джим принял чашу, и ему вспомнились слова доктора, будто у марсиан нет ничего такого, что может привлечь человека.

– Джим Марло! – произнес он, поднес чашу к губам и отпил. Передавая чашу, он призвал на помощь все свое знание языка, сосредоточился на произношении и сумел сказать: – Да не будет у тебя никогда недостатка в чистой воде!

Марсиане одобритительно загудели, и у Джима стало тепло на душе. Марсианин передал чашу Фрэнку.

По завершении церемонии в зале начались шумные разговоры, очень похожие на человеческие. Джим тщетно пытался вникнуть в то, что говорит ему марсианин, почти втрое выше его ростом, когда Фрэнк сказал:

– Джим, взгляни-ка на солнце! Мы опаздываем на скутер.

– Да это же не настоящее солнце, а игрушечное.

– Нет, оно соответствует настоящему. Мои часы говорят то же самое.

– О господи! Где Виллис? Гекко, где Гекко?

Гекко, услышав свое имя, подошел и вопросительно щелкнул. Джим напрягся и стал излагать просьбу, запутался в синтаксисе, неправильно употребил повелительный символ и совсем потерял произношение. Фрэнк отпихнул его и взял все в свои руки. Некоторое время спустя он сказал Джиму:

– Они доставят нас обратно до заката, но Виллис останется здесь.

– Как? Они не сделают этого!

– Он так сказал.

Джим подумал.

– Пусть Виллиса принесут сюда, и мы спросим у него.

Гекко охотно согласился. Виллиса принесли и положили на пол. Он вперевалку подошел к Джиму и сказал:

– Приветик, Джим! Приветик, Фрэнк!

– Виллис, – серьезно сказал Джим, – Джим уходит. Виллис пойдет с Джимом?

Виллис пришел в замешательство:

– Остаться здесь. Джим останется здесь. Виллис останется здесь. Хорошо.

– Виллис, – свирепо сказал Джим, – Джиму надо уходить. Виллис пойдет с Джимом?

– Джим уходит?

– Джим уходит.

Было похоже, что Виллис пожал плечами.

– Виллис идет с Джим, – грустно сказал он.

– Скажи это Гекко.

Виллис послушался. Марсианин как будто удивился, но больше не спорил. Он взял на руки мальчиков и Виллиса и пошел к двери. Марсианин, повыше его ростом (Джим вспомнил, что его зовут Г'куро), взял у Гекко Фрэнка и пошел следом. Во время подъема по туннелю Джим почувствовал, что надо надеть маску. Фрэнк тоже надел свою.

Ушедший в себя марсианин все еще загораживал проход, и носильщики перешагнули через него без всяких комментариев.

Когда они вышли на поверхность, солнце стояло очень низко над горизонтом. Хотя марсианина ничто не заставит спешить, ходят они очень быстро. Длинноногая парочка мигом одолела три мили до станции Киния. Солнце коснулось горизонта и начало холодать, когда мальчиков с Виллисом доставили на причал. Марсиане сразу же повернули обратно, спеша в тепло своего города.

– До свиданья, Гекко! – прокричал Джим. – До свиданья, Г'куро!

Водитель и начальник станции стояли на причале: водитель явно собрался в дорогу и не мог найти своих пассажиров.

– Это еще что? – сказал начальник станции.

– Мы готовы, – сказал Джим.

– Вижу, – сказал водитель. Поглядев на удаляющиеся фигуры, он моргнул и повернулся к агенту. – Зря мы налегали на это дело, Джордж. Мне уже мерещится, – и добавил, обращаясь к мальчикам: – Ну, по местам.

Мальчики забрались в скутер и поднялись в обзорный купол. Скутер сполз по мосткам на лед, повернул влево, на канал Оэроэ, и стал набирать скорость.

Солнце опустилось за горизонт, но окрестности еще освещал короткий марсианский закат. Растения по берегам канала сворачивались на ночь. Через несколько минут местность, еще полчаса назад покрытая пышной растительностью, стала голой, как настоящая пустыня.

Показались яркие, сверкающие звезды. Над горизонтом повисли бледные вуали полярного сияния. На западе загорелся крохотный ровный огонек, идущий вверх, против движения звезд.

– Фобос, – сказал Фрэнк. – Смотри!

– Вижу, – ответил Джим. – Холодно, пошли спать.

– Давай. А я есть хочу.

– У меня еще осталась пара сэндвичей.

Ребята съели по одному, спустились в нижнее отделение и залезли в койки. Тем временем скутер миновал город Геспериды и повернул на запад-северо-запад по каналу Эримант, но Джим этого не знал: ему снилось, что они с Виллисом поют дуэтом перед изумленными марсианами.

* * *

- Выходите! Конечная остановка! – расталкивал их водитель.
- А?
- Вставай, приятель. Это Малый Сырт.

Глава 4

Академия имени Лоуэлла

«Дорогие мама и папа!

Я не позвонил вам в среду вечером потому что мы приехали только утром в четверг. Когда я хотел позвонить в четверг оператор сказал что связи с Южной колонией нет и что я смогу соединиться с вами через Деймос только дня через три а письмо дойдет быстрее и я сэкономлю вам четыре с половиной кредитки за переговоры. Потом я спохватился что не отправил вам письмо сразу и вы получите его не раньше чем если бы я позвонил но вы может быть не знаете какая в школе нагрузка и сколько времени у тебя отнимают а мать Фрэнка наверно сказала вам что мы нормально добрались и я все-таки сэкономил вам четыре с половиной кредитки потому что не позвонил.

Я прямо слышу как Филлис говорит что это я намекаю чтобы сэкономленные деньги потратили на меня но я ничего такого потому что никогда ничего такого не делал и потом у меня еще осталось немного денег которые вы мне дали когда уезжал и часть подарочных на день рождения и если расхотеть осмотрительно то мне их хватит до вашей миграции хотя здесь все дороже чем дома. Фрэнк говорит что это потому что они всегда поднимают цены для туристов но пока никаких туристов здесь нет и не будет пока не придет „Альберт Эйнштейн“ на той неделе. В общем если вы со мной просто поделили бы сэкономленное то все равно остались бы с прибылью две с четвертью кредитки.

А в среду вечером мы сюда не попали потому что водитель решил что лед не выдержит и мы остались на станции Киния и мы с Фрэнком болтались вокруг и убивали время до заката.

Нам с Фрэнком разрешили жить вместе и у нас шикарная комната. Она рассчитана только на одного и у нас только один стол но мы в основном проходим те же самые предметы и можем вместе пользоваться проектором. Я диктую это письмо на наш учебный магнитофон потому что сегодня очередь Фрэнка дежурить на кухне а мне осталось выучить только немного по истории и я лучше подожду Фрэнка и буду учить вместе с ним. Профессор Штойбен говорит что не знает куда денут еще школьников если их примут на крючки повесят что ли но это он просто шутит. Он все время шутит и все его любят и всем будет жалко когда он улетит на „Альберте Эйнштейне“ а у нас будет новый директор.

Ну вот и все только что пришел Фрэнк и нам надо работать потому что у нас завтра контрольный опрос по истории системы.

Ваш любящий сын

Джеймс Мэдисон¹⁹ Марло-младший

Р. С. Фрэнк мне сказал что он тоже не писал своим и просит может быть вы позвоните его маме и скажете ей что у него все хорошо и пусть она пожалуйста сразу вышлет ему камеру он ее забыл.

Р. Р. С. Виллис шлет всем привет. Я только что с ним говорил.

¹⁹ Герой повести назван в честь четвертого президента США Джеймса Мэдисона (1751–1836), остававшегося на президентском посту два срока, с 1809 по 1817 г.

Р. Р. Р. S. Скажите Филлис что девчонки здесь красят волосы полосками.
По-моему выглядит очень глупо.
Джим»

Если бы профессор Отто Штойбен, магистр гуманитарных наук и доктор права, не ушел на пенсию, жизнь Джима в академии Лоуэлла сложилась бы совсем по-другому. Но профессор ушел-таки на пенсию и вернулся в долину Сан-Фернандо на вполне заслуженный отдых. Вся школа отправилась в Марсопорт провожать его. Он пожал всем руки, всплакнул и поручил их заботам Маркиза Хоу, недавно прибывшего с Земли и теперь занявшего директорский пост.

Джим и Фрэнк, вернувшись из космопорта, увидели, что пришедшие раньше их толпятся у доски объявлений. Они влились в толпу и прочли бумагу, из-за которой собрался народ:

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем учащимся предписывается постоянно содержать себя и свое жилище в чистоте и порядке. Практика проверки чистоты старостами себя не оправдала, поэтому директор лично займется проверкой, которая будет проводиться еженедельно. Первая проверка назначается на 7 цереры, субботу, на 10 часов 00 минут.

М. Хоу, директор

– Прямо слов нет! – взорвался Фрэнк. – Что скажешь, Джим?

– Скажу, что сегодня шестое цереры, – мрачно ответил Джим.

– Да, но сама идея! Он что, думает, у нас исправительная колония? – Фрэнк обратился к старшекласснику, который был старостой их коридора: – А ты что скажешь, Андерсон? Он имеет право такое вытворять?

– Прямо не знаю. По правде, не знаю. Мне кажется, наши комнаты и все прочее – это наше личное дело.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Я-то? – Молодой человек немного подумал, прежде чем ответил: – Мне остался всего один семестр до аттестата, а потом я отсюда уйду. Так что я буду сидеть тихо, молчать в тряпочку и как-нибудь дотерплю до конца.

– Да, тебе хорошо, а у меня еще целых двенадцать семестров впереди. Что я, преступник какой?

– Это твоя проблема, парень. – И старшеклассник отошел.

Одного мальчика объявление, похоже, не волновало, – это был Герберт Бичер, сын генерального представителя Компании, новичок и на Марсе, и в школе. Кто-то заметил его ухмылку и спросил:

– А ты, турист, чего такой довольный? Ты об этом заранее знал?

– Конечно знал.

– Небось сам и придумал.

– Нет. Но мой старик говорит, что вы, ребята, давно без этого скучали. Мой старик говорит, что Штуби был слишком мягкотелым, чтобы держать в школе хоть какую-то дисциплину. Мой старик говорит...

– Да кому какое дело, что там говорит твой старик? Вали отсюда!

– Тебе лучше не говорить так о моем старике. Я...

– А я говорю, вали, пока не навешали!

Молодой Бичер посмотрел на своего оппонента – рыжего паренька по фамилии Келли, понял, что тот не шутит, и быстро испарился.

– Хорошо ему ухмыляться, – с горечью сказал Келли, – он живет в резиденции своего старика. Пострадают только те, кому приходится жить при школе. Это форменная дискриминация, вот это что!

Около трети учеников были приходящими – в основном сыновья служащих Компании, живущих в Малом Сырте. Еще одну треть составляли дети мигрирующих колонистов, а прослойкой между двумя группами были дети служащих с отдаленных постов, особенно тех, кто работал над атмосферным проектом. Большинство из них были боливийцы и тибетцы, было и немного эскимосов.

Келли обратился к одному из них:

– Ну что, Чен? Неужели мы это проглотим?

Широкое азиатское лицо Чена ничего не выражало.

– Не стоит из-за этого волноваться. – Он повернулся и хотел уйти.

– Ты, значит, не будешь бороться за свои права?

– Это пройдет.

Джим и Фрэнк вернулись к себе, не прекращая обсуждать новости.

– Фрэнк, – спросил Джим, – что за этим кроется? Как ты думаешь, у девочек в школе то же самое творится?

– Могу позвонить Долорес Монтес и узнать.

– Мм... ладно, не беспокойся. Это, в конце концов, не важно. Вопрос в том, что нам с этим делать?

– А что мы можем с этим поделать?

– Не знаю. Жаль, что нельзя спросить у отца. Он мне всегда говорил, что надо бороться за свои права, – но в этом случае он бы, возможно, посчитал, что ничего особенного тут нет. Не знаю.

– Слушай, – предложил Фрэнк, – а почему бы в самом деле не посоветоваться с отцами?

– Ты предлагаешь позвонить им прямо сегодня? А связь есть?

– Нет, звонить не будем, это слишком дорого. Подождем миграции, когда они заедут к нам, теперь уж недолго осталось. Если мы собираемся поднимать бучу, то надо, чтобы нас поддержали родители, одни мы ничего не добьемся. А пока будем помалкивать и делать, что нам говорят. Может, ничего страшного и не случится.

– Вот теперь ты здраво рассуждаешь. – Джим встал. – Может, приберем все же этот свинарник?

– Давай. Слушай, Джим, я кое-что вспомнил. Как фамилия председателя Компании? Не Хоу?

– Джон У. Хоу, – подтвердил Джим. – А что?

– Директор тоже Хоу.

– А-а! Ну, это ничего не значит. Хоу – очень распространенная фамилия.

– А я тебе говорю, очень даже значит. Доктор Макрей говорит, что без влиятельных родственников теплое местечко в Компании не получишь. Док говорит, что Компания – это одна большая дружная семья, где все играют в игру «ты мне, я тебе», а слова о том, что это некоммерческая корпорация, – самая смешная шутка с тех пор, как изобрели женщин.

– Хм... Н-ну, не знаю. Куда девать этот хлам?

* * *

Наутро за завтраком всем раздали листки с перечнем требований, которым должны соответствовать комнаты, и всю вчерашнюю работу пришлось переделывать заново. Поскольку инструкцией директора Хоу не предусматривалось, что в комнате на одного будут жить двое,

это было нелегким делом, и они не успели к десяти утра. Впрочем, до их комнаты директор дошел только через два часа.

Он просунул голову в дверь и уже хотел было уйти, но передумал и вошел. Он указал на скафандры, висевшие на крючках рядом с гардеробом:

– Почему вы не убрали эту варварскую роспись со своих масок?

Мальчики не могли понять, о чем речь, и Хоу спросил:

– Вы не читали утром объявления на доске?

– Э-э-э... Нет, сэр.

– Так прочтите. Вы обязаны знать все, что вывешивается на доске. Дневальный! – крикнул он в дверь.

На пороге появился старшеклассник:

– Да, сэр.

– Эти двое лишаются воскресных привилегий, пока не будут соответствовать требованиям. Пять штрафных баллов каждому. – Хоу посмотрел вокруг. – Комната невероятно захламлена и неопрятна. Почему вы не придерживаетесь предписанной схемы?

Джим не мог выдавить из себя ни слова, потрясенный явной несправедливостью вопроса, и наконец пробормотал:

– Эта комната рассчитана на одного человека. Мы сделали все, что могли.

– Меня не интересуют оправдания. Если у вас нет места, чтобы держать вещи в порядке, избавьтесь от лишних вещей. – Тут его взгляд упал на Виллиса, который при виде посторонних убрался в угол и спрятал все свои надстройки. Хоу указал на него. – Спортивное снаряжение следует хранить на шкафах или оставлять в спортзале. Недопустимо бросать его по углам.

Джим открыл было рот, но Фрэнк лягнул его в голень. Хоу, следуя к двери, продолжал читать нотации:

– Я понимаю, молодые люди, что вы воспитывались вдали от цивилизации и не имели случая приобрести приличные манеры, но я сделаю все, чтобы исправить это. Я хочу, чтобы эта школа выпускала, помимо всего прочего, цивилизованных молодых джентльменов. – Хоу остановился на пороге и добавил: – Когда очистите маски, зайдите ко мне в кабинет.

Когда Хоу отошел на достаточное расстояние, Джим спросил:

– Ты зачем меня пнул?

– Ты, тупица, он же подумал, что Виллис – это мяч.

– Я знаю, потому и хотел его поправить.

– Тебе что, еще мало? – скривился Фрэнк. – Ты же хочешь оставить Виллиса при себе, верно? Можешь не сомневаться, Хоу тут же состряпает правило, которое это запрещает.

– Он не сможет этого сделать!

– Черта с два не сможет! Я начинаю понимать, что Штуби не давал нашему другу Хоу проявлять свои таланты в полной мере. Слушай, а что он имел в виду под «штрафными баллами»?

– Не знаю, но думаю, ничего хорошего. – Джим снял с крючка маску и посмотрел на веселые тигровые полоски. – Знаешь, Фрэнк, мне что-то не хочется становиться «цивилизованным юным джентльменом».

– Присоединяюсь.

Прежде чем браться за маски, друзья решили взглянуть на объявление, нет ли там еще какого подвоха. Они пошли в вестибюль и прочли на доске:

ОБЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

1. Практика окраски респираторных масок так называемыми опознавательными узорами должна быть прекращена. Маски должны быть очищены, а все ученики обязаны промаркировать свои скафандры на груди и плечах фамилией, нанесенной шрифтом высотой в один дюйм.

2. Ученикам предписывается носить рубашки и обувь (ботинки или тапочки) повсюду, кроме своей комнаты.

3. Содержание домашних животных в общежитии воспрещается. В отдельных случаях, если животные представляют научный интерес, может быть рассмотрен вопрос о содержании их в биологической лаборатории.

4. Воспрещается хранить в комнатах продукты питания. Учащиеся, получающие продуктовые посылки от родителей, должны сдавать их сестре-хозяйке и брать продукты в разумных количествах после каждого приема пищи, кроме субботнего завтрака. На чаепития в свободное время по случаю дня рождения и т. п. следует получить особое разрешение.

5. Ученики, лишенные воскресных привилегий за нарушения дисциплины, могут читать, заниматься, писать письма, играть на музыкальных инструментах или слушать музыку. Им не разрешается играть в карты, заходить в комнаты других учеников, а также покидать здание школы по любой причине.

6. Ученики, желающие воспользоваться телефоном, подают письменное заявление установленной формы, после чего получают ключ от телефонной будки в канцелярии.

7. Ученический совет распускается. Ученическое самоуправление будет восстановлено только в том случае, если вся школа заслужит это своим поведением.

М. Хоу, директор

Джим присвистнул. Фрэнк сказал:

– Нет, Джим, ты видел такое? Распустить ученический совет – это надо же! А на то, чтобы почесаться, тоже надо испрашивать разрешение? За кого он нас принимает?

– Понятия не имею. Фрэнк, а у меня рубашки нет.

– Я тебе одолжу футболку, пока не купишь свою. А ты посмотри на третий пункт и сделай выводы.

– Да? А что такое? – Джим перечел объявление.

– Ты бы пошел и подлизался к биологу, – может, он возьмет Виллиса.

– Что? – Джим просто не связал параграф о домашних животных с Виллисом, он не думал о Виллисе как о домашнем животном. – Нет, Фрэнк, я не могу. Он будет ужасно несчастен.

– Тогда лучше отправь его домой, и пусть твои о нем позаботятся.

Джим упрямо нахмурил брови:

– Не стану я этого делать. Не стану!

– Что ж ты тогда будешь делать?

– Не знаю. – Джим призадумался. – А ничего. Просто буду его прятать. Хоу не знает даже, что он у меня есть.

– Ну... может, и прокатит, если тебя никто не заложит.

– По-моему, наши парни на это не способны.

Они вернулись к себе и попытались смыть узоры с масок – нельзя сказать, чтобы с большим успехом: краска въелась в пластик, и друзьям удалось только размазать ее. Вскоре в дверь к ним заглянул ученик по фамилии Смайт:

– Почистить вам маски?

– Ничего не выйдет, краска впиталась.

– Я слышу это уже в энный раз. Но по доброте душевной, из желания послужить людям я покрашу ваши маски в естественный цвет – четверть кредитки за маску.

– Я так и знал, что тут подвох, – сказал Джим.

– Не хотите, как хотите. Давайте решайте быстрее, меня клиенты ждут.

– Смитти, ты способен продать билеты на похороны собственной бабушки. – И Джим достал четверть кредитки.

– Это идея. Как думаешь, по сколько брать за билет? – Смайт достал жестянку, кисточку и быстро закрасил смелый орнамент Джима коричневато-оливковым лаком, точно под цвет маски. – Ну вот! Через пару минут высохнет. А ты как, Саттон?

– Ладно, кровопийца, – согласился Фрэнк.

– Так-то ты отзываешься о своем благодетеле? У меня в женской школе важное свидание, а я тут трачу драгоценное субботнее время, выручая вас. – И Смайт столь же быстро обработал маску Фрэнка.

– Вернее сказать, сшибаешь денежки для свидания, – заметил Джим. – Смитти, что ты скажешь насчет хитрых правил, которые придумал новый шеф? Нагнемся или поднимем вой?

– А зачем поднимать вой? – Смайт собрал свои инструменты. – Каждое из них открывает совершенно новые возможности для бизнеса, если, конечно, у вас есть мозги, чтобы увидеть это. Если будут затруднения, обращайтесь к Смайту – обслуживаем в любое время.

Он задержался на пороге:

– А про билеты на похороны моей бабушки никому не говорите, а то она захочет урвать свою долю, пока не померла. У старушки на это хороший нюх.

– Фрэнк, – сказал Джим, когда Смайт ушел, – что-то не нравится мне этот парень.

– Зато он нас выручил, – пожал плечами Фрэнк. – Давай отметимся, пусть нас вычеркнут из черного списка.

– Давай. Он мне напомнил слова дока: какой закон ни прими, он всегда открывает новую лазейку для мошенников.

– Совсем не обязательно. Мой старик говорит, что у дока не все дома. Пошли.

У кабинета директора они увидели длинную очередь желающих войти. Когда наконец в кабинет запустили их десятку, Хоу быстро осмотрел их маски и перешел к нотации:

– Надеюсь, юные джентльмены, это послужит вам не только уроком аккуратности, но и уроком внимания. Если бы вы обратили внимание на то, что вывешено на доске объявлений, то все вы, каждый из вас, лучше подготовились бы к инспекции. Что же касается самого нарушения, я хочу, чтобы вы поняли: дело здесь не только в детских, дикарских рисунках на ваших средствах защиты. – Он помолчал, чтобы убедиться, что его слушают. – Нравы в колониях вовсе не обязательно должны быть грубыми и вульгарными. Как глава этого учебного заведения, я намерен проследить за тем, чтобы все дефекты, заложенные домашним воспитанием, были устранены. Главная цель воспитания, если не единственная его цель, – это формирование характера, а характер создает только дисциплина. Считаю, что я как нельзя лучше подготовлен к выполнению этой задачи. Перед тем как прибыть сюда, я двенадцать лет преподавал в военной академии в Скалистых горах. Это превосходнейшая школа – школа, которая выпускает мужчин.

Он снова остановился – то ли перевести дыхание, то ли дать слушателям проникнуться своей речью. Джим, который пришел сюда только затем, чтобы с него сняли взыскание, больше

не мог слушать. Высокомерное отношение директора, особенно его высказывание о том, что в домах колонистов царит нездоровая обстановка, вывели его из себя.

– Мистер Хоу, – сказал он.

– Да? Что такое?

– Здесь не Скалистые горы, а Марс. И это не военная академия.

Изумление и гнев мистера Хоу были столь велики, что в какой-то момент казалось, что он сейчас бросится на мальчика с кулаками или его хватит удар. Затем он овладел собой и процедил сквозь зубы:

– Ваша фамилия?

– Марло, сэр. Джеймс Марло.

– Было бы намного лучше для вас же, Марло, если бы здесь была военная академия. –

Он повернулся к остальным ученикам. – Остальные могут идти. Воскресные привилегии восстановлены. Марло, оставайтесь.

Когда все вышли, Хоу сказал:

– Марло, нет на свете ничего отвратительнее наглого, неблагодарного, не знающего своего места юнца. Вы получаете прекрасное образование исключительно благодаря Компании. И вряд ли вам пристало дерзить людям, которых Компания поставила наблюдать за вашим обучением и содержанием. Вы сознаете это?

Джим молчал. Хоу сказал резко:

– Ну же! Говорите, юноша, признайте свою вину и извинитесь. Будьте мужчиной!

Джим продолжал молчать. Хоу побарабанил пальцами по столу и наконец сказал:

– Очень хорошо, ступайте к себе и обдумайте свое поведение. До понедельника у вас будет достаточно времени.

Когда Джим вернулся к себе, Фрэнк взглянул на него и восхищенно покачал головой.

– Ох, Джим, – сказал он. – Ну и отчаянный же ты парень.

– Надо же было кому-то сказать ему.

– Да уж, надо. Что планируешь дальше делать? Перережешь себе горло или просто уйдешь в монастырь? С этой минуты старина Хоу будет постоянно держать тебя на мушке. Жить с таким соседом в одной комнате будет небезопасно.

– Какого черта, Фрэнк! Если ты так на это смотришь, поищи себе другого соседа.

– Тихо, тихо! Я тебя не брошу, буду с тобой до конца. «И с улыбкою мальчик мертвым упал».²⁰ Я рад, что ты ему все высказал. У меня на такое не хватило бы смелости.

Джим рухнул поперек койки.

– Не думаю, что смогу долго здесь выдержать. Я не привык, чтобы меня шпыняли и издевались надо мной ни за что ни про что. А теперь я буду получать двойную дозу. Что мне с этим делать?

– А пес его знает.

– Здесь было так хорошо при старом Штуби. Я думал, мне здесь будет просто здорово.

– Штуби был молодец. А Хоу – тот еще говнюк. Но что же остается, Джим, кроме как заткнуться, проглотить пилюлю и надеяться, что он забудет?

– Слушай, никому ведь это не нравится. Может, если мы объединимся, он сбавит ход?

– Вряд ли. Ты единственный, у кого хватило духу высказаться. Черт, даже я тебя не поддержал, хотя согласен с тобой на все сто.

– А если мы все напишем родителям?

– Всех не заставишь, – покачал головой Фрэнк, – а какой-нибудь козел еще и настучит. Тогда на тебя повесят подстрекательство к бунту или еще какую-нибудь ерунду. И потом, что

²⁰ Цитата из стихотворения английского поэта XIX в. Роберта Браунинга «Incident of the French Camp», в котором рассказывается о юном герое, ценой жизни доставившем донесение императору Наполеону.

ты такого напишешь в письме? Чем ты докажешь, что мистер Хоу делает то, что он не вправе делать? Я знаю, что скажет мой старик.

– Ну и что он скажет?

– Он мне много раз рассказывал про школу, в которой учился на Земле, и как ему там несладко приходилось. По-моему, он даже гордится этим. Если я ему скажу, что Хоу не велел нам держать в комнате пирожные, он посмеется надо мной и скажет...

– Черт, Фрэнк, ведь дело не в запрете держать продукты в комнате, а в общей картине.

– Ясно, ясно. Я-то понимаю. Но попробуй объясни моему старику. Все, что мы можем рассказать, – это такие мелочи. Нужны вещи посерьезнее, чтобы наши родители вмешались.

К вечеру рассуждения Фрэнка подтвердились. По мере того как новость распространялась, у них перебивала чуть ли не вся школа. Кто-то приходил позвать руку Джиму за то, что он бросил вызов директору, а кто-то просто поглядеть на чудака, у которого хватило безрассудства выступить против официальных властей. При этом выяснились два обстоятельства: никому не нравилось новое руководство и предпринятые им «дисциплинарные» меры и никто не желал присоединиться к тому, что считал безнадежным делом.

Один из старшекурсников подытожил:

– Прикинь, малыш. Человек не пойдет работать в школу, если ему не нравится пользоваться дешевой властью. Это естественная профессия разных маленьких наполеончиков.

– Штуби был не такой!

– Штуби был исключением. Большинство из них любят правила исключительно ради самих правил. Это такой же естественный факт, как мороз на закате. Тебе придется с ним смириться.

В воскресенье Фрэнк пошел в Малый Сырт – в поселение землян, а не в марсианский город по соседству. Джим, будучи под домашним арестом, остался в комнате, делал вид, что занимается, и беседовал с Виллисом. Фрэнк вернулся к ужину и сказал:

– Я тебе принес подарок. – И кинул Джиму маленький пакетик.

– Спасибо, друг! А что там?

– Разверни – увидишь.

Это оказалась кассета с записью нового танго, сделанной в Рио, доставленная прямо с Земли на «Альберте Эйнштейне». Называлось танго «¿Quién es la señorita?». ²¹ Джим был без ума от латиноамериканской музыки, и Фрэнк вспомнил об этом.

– Ух ты! – Джим подошел к столу, вставил кассету в магнитофон и приготовился наслаждаться, но Фрэнк остановил его:

– Звонок на ужин. Давай лучше потом.

Джим неохотно согласился, зато, вернувшись, прокрутил музыку несколько раз, пока Фрэнк не уговорил его позаниматься. Перед отбоем Джим еще раз поставил кассету.

В коридоре общежития стало темно и тихо, все отошли ко сну, но минут через пятнадцать «Сеньорита» зазвучала вновь. Фрэнк рывком сел в постели:

– Что за черт? Джим, да выключи ты ее!

– Я не включал, – возразил Джим. – Это, наверное, Виллис, кто же еще?

– Ну так заткни его! Придуши его. Сунь его под подушку.

Джим включил свет:

– Виллис, а, Виллис! Ну-ка, кончай шуметь!

Виллис, похоже, даже не слышал его. Он стоял посреди комнаты, отбивал глазами такт и покачивался. Его исполнение было прекрасным: в нем звучали и маримба, и хор.

Джим взял его на руки:

– Виллис! Да заткнись же ты наконец!

²¹ «Кто эта девушка?» (исп.)

Виллис продолжал концерт.

Дверь распахнулась, и на пороге возник директор Хоу.

– Так я и думал, – торжествующе сказал он. – Совершенно не считаемся с правами и удобством остальных. Выключите магнитофон. И имейте в виду, вы не выйдете из своей комнаты весь следующий месяц.

Виллис продолжал музицировать. Джим попытался прикрыть его своим телом.

– Вы что, не слышали мой приказ? – спросил Хоу. – Я сказал: выключить эту музыку.

Он прошел к рабочему столу и рванул выключатель. Поскольку магнитофон и так был выключен, Хоу только сломал себе ноготь. Он проглотил непедagogичное выражение и сунул палец в рот. Виллис приступил к третьему куплету. Хоу стал оглядываться.

– Куда он у вас подключен? – гаркнул он. Не получив ответа, Хоу шагнул к Джиму и спросил: – Что вы прячете? – Оттолкнув Джима в сторону, он устремил недоверчивый и брезгливый взгляд на Виллиса. – Это еще что такое?

– Э-э-э... это Виллис, – несчастным голосом воскликнул Джим, пытаясь перекрыть музыку.

Хоу был не так уж глуп, до него мало-помалу дошло, что музыка исходит из этого странного мехового шара.

– А что такое «Виллис», хотелось бы узнать?

– Ну, это... попрыгунчик. Такой вид марсиан.

Виллис выбрал этот момент, чтобы закончить выступление, пропев бархатным контральто «*buenas noches*»,²² и заткнулся.

– Попрыгунчик? Никогда о них не слышал.

– Их мало кто видел, даже среди колонистов. Они редко встречаются.

– Видимо, недостаточно редко. Это разновидность марсианского попугая?

– О нет!

– Что значит «о нет»?

– Он ни капли не похож на попугая. Он разговаривает, он мыслит, он мой друг!

Хоу оправился от удивления и вспомнил о цели своего визита:

– Не имеет значения. Вы читали мой приказ о домашних животных?

– Да, но Виллис не домашнее животное.

– Кто же он в таком случае?

– Ну, он не может быть домашним животным. Домашние животные – это просто животные, они собственность, а Виллис не собственность, он... ну, он просто Виллис.

В этот момент Виллис решил рассказать о том, что он услышал, после того как Джим выключил магнитофон.

– Знаешь, когда я слышу эту музыку, – сказал он голосом Джима, – я забываю даже про старого говнюка Хоу.

– А у меня он из головы не выходит, – продолжал Виллис голосом Фрэнка. – Хотел бы я набраться духу и сказать ему то же, что и ты, Джим. Знаешь, я думаю, у Хоу не все дома, то есть по-настоящему. Держу пари, в детстве он был трусом, вот и вырос такой.

Хоу побелел. Доморощенный психоаналитик Фрэнк попал в самую точку. Директор поднял руку, чтобы ударить, а потом опустил ее, не зная, кого, собственно, тут надо бить. Виллис поскорей убрал отростки и превратился в гладкий шар.

– А я вам говорю, это домашнее животное, – свирепо сказал Хоу, обретя дар речи. Он подхватил Виллиса и направился к двери.

Джим бросился за ним:

– Слушайте, мистер Хоу! Вы не можете забрать Виллиса!

²² «Спокойной ночи» (исп.).

– Ах, не могу, вот как? – обернулся директор. – Возвращайтесь в постель. Утром зайдете ко мне в кабинет.

– Если вы тронете Виллиса хоть пальцем, я... я...

– Что – ты? Никто твое сокровище не тронет. Сейчас же в постель, пока я тебя не выпорол. – Хоу повернулся и ушел, не задержавшись, чтобы проверить, как выполняется его приказание.

Джим застыл, не сводя глаз с закрытой двери, по его щекам текли слезы, рыдания бесильного гнева сотрясали его. Фрэнк подошел и положил руку ему на плечо:

– Джим, Джим, не надо так. Ты ведь слышал, он обещал не трогать Виллиса. Ложись в постель, а утром все уладишь. В самом худшем случае придется отправить Виллиса домой.

Джим отмахнулся.

– Я должен был сжечь его, – пробормотал он. – Я должен был сжечь его на месте.

– Допустим, ты бы это сделал. Ты что, хочешь провести остаток жизни в психушке? Не позволяй ему бесить тебя, Джим, – настаивал Фрэнк. – Если ты разозлишься, то сделаешь какую-нибудь глупость, и тогда ты у него в руках.

– Я уже разозлился.

– Знаю, что разозлился, и ни в чем тебя не виню. Но тебе надо остыть и подумать головой. Он тебя караулил, сам видишь. Что бы он ни говорил и ни делал, ты должен сохранять спокойствие и не поддаваться, а то он доведет тебя до беды.

– Пожалуй, ты прав.

– Я знаю, что я прав. Так и док бы сказал. А теперь ложись спать.

Но ни один из них не смог как следует заснуть в эту ночь. Под утро Джиму приснился кошмар, будто Хоу – свернувшийся марсианин, а он, Джим, пытается развернуть его вопреки собственному желанию.

* * *

К завтраку на доске снова появилось свеженькое объявление. В нем сообщалось:

ВАЖНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Все учащиеся, обладающие личным оружием, должны сдать его в главный офис на хранение. Оружие будет выдаваться по заявлению в случае, если учащийся намерен покинуть пределы школы и прилегающего поселения. Ношение оружия в местах, не посещаемых марсианской фауной, не допускается.

М. Хоу, директор

Джим и Фрэнк дочитали до конца одновременно.

– А вот это совсем плохо, – сказал Джим. – Док говорит, что это основа всей свободы.

– Знаешь, что я думаю? – поразмыслив, сказал Фрэнк.

– Ну что?

– Это он тебя боится.

– Меня? Почему?

– Из-за вчерашнего. Ты был готов его убить, и он это видел. Думаю, он решил вырвать у тебя зубы. А на то, где хранят свои пушки все остальные, ему плевать.

– Ты правда так думаешь?

– Правда. Вопрос теперь в том, что ты собираешься с этим делать?

Джим задумался:

– Я не собираюсь сдавать оружие. Отец бы этого не одобрил, я уверен. И потом, у меня лицензия, я не обязан этого делать.

– Ладно, я за. Но лучше бы найти какую-нибудь лазейку перед тем, как ты пойдешь к нему сегодня утром.

Лазейка нашлась за завтраком в лице Смайта. Фрэнк вполголоса посоветовался с Джимом, и после завтрака они подошли к Смайту и отвели его в свою комнату.

– Слушай, Смитти, – начал Джим, – ты же у нас парень башковитый.

– Мм... допустим. Что случилось?

– Читал сегодняшнее объявление?

– Кто ж его не читал? Все уже бурчат по этому поводу.

– Ты будешь сдавать пистолет?

– Я сделал это перед завтраком. Зачем мне тут пистолет, когда есть мозги?

– Значит, тебя не будут вызывать по поводу сдачи. Теперь допустим, что тебе дали на хранение два пакета. Ты их не разворачиваешь и не знаешь, что в них. Как думаешь, можно найти для них надежное, по-настоящему надежное место и чтобы можно было быстро вернуть их по первому требованию?

– Подразумевается, что я не должен никому говорить про эти... э-э-э... пакеты?

– Ясное дело. Никому.

– Хм... такая услуга будет дорого стоить.

– Сколько?

– Я не могу с вас взять меньше двух кредиток в неделю.

– Это слишком дорого, – отрезал Фрэнк.

– Хорошо, поскольку мы друзья, возьму с вас фиксированную ставку – восемь кредиток до конца года.

– Все равно дорого.

– Тогда шесть кредиток – последняя цена. За риск надо платить.

– По рукам, – сказал Джим, не дав Фрэнку торговаться дальше.

Смайт ушел со свертками, а Джим отправился к директору.

Глава 5

У маленьких кувшинчиков большие ушки²³

Директор продержал Джима полчаса, прежде чем принять. Войдя наконец в кабинет, Джим заметил, что у Хоу чрезвычайно довольный вид. Директор поднял глаза:

- Да? Вы хотели меня видеть?
- Вы велели мне прийти, сэр.
- Вот как? Минутку, как ваша фамилия?

«Он распрекрасно знает, как моя фамилия, – злобно подумал Джим, – и просто пытается меня достать».

Он вспомнил наказ Фрэнка держать себя в руках и спокойно ответил:

- Джеймс Марло, сэр.
- А, да. – Директор взял список со своего стола. – Полагаю, вы пришли, чтобы сдать оружие, давайте его сюда.

Джим покачал головой:

- Я пришел не для этого.
 - Не для этого? Это совершенно не важно. Вы видели приказ, сдайте мне свое оружие.
- Джим снова покачал головой:
- У меня нет пистолета.
 - Почему вы пришли сюда без него? Вернитесь в свою комнату и принесите. Быстро!

Даю вам три минуты.

- Нет, – медленно сказал Джим, – я же говорю, что у меня нет пистолета.
- Вы имеете в виду, что его нет в вашей комнате?
- Я это вам и говорю.
- Ты лжешь!

Джим медленно сосчитал до двадцати, а затем ответил:

- Вы знаете, что у меня нет оружия, и у вас нет оснований думать иначе.

Казалось, Хоу вечно будет сверлить его взглядом, затем он резко встал и вышел в приемную. Он вскоре вернулся, полный прежней наглой самоуверенности:

- Итак, Марло, ты сказал, что хочешь видеть меня по какому-то другому вопросу?
- Вы сказали, чтобы я пришел. Насчет Виллиса.
- Виллис? Ах да, марсианин круглоголовый. – Хоу улыбнулся одними губами. – Любопытный экземпляр. – И замолчал.

Пауза длилась так долго, что Джим начал понимать: директор вынуждает его сделать первый шаг. Джим уже примирился с мыслью, что больше не сможет держать Виллиса в школе, и сказал:

- Я хочу его забрать, чтобы отнести в город и отослать домой.

Улыбка Хоу стала шире.

– Ах вот как! Как же вы собираетесь это сделать, если вам запрещено покидать школу в ближайшие тридцать дней?

У Джима в ушах звучал предостерегающий голос Фрэнка. Он ответил:

– Хорошо, сэр, я попрошу кого-нибудь сделать это для меня сегодня же. А теперь могу я забрать Виллиса?

Хоу откинулся на спинку стула и сплел пальцы на животе:

²³ Little pitchers have big ears – английская поговорка, примерный смысл которой: «Дети любят слушать то, что им не полагается».

– Вы затронули интереснейший вопрос, Марло. Вчерашней ночью вы говорили, что это существо не является домашним животным.

– Да, – с недоумением сказал Джим.

– Вы весьма решительно настаивали на этом. Вы говорили, что он не ваша собственность, а ваш друг. Это верно?

Джим заколебался. Он чуял, что Хоу загоняет его в ловушку, но не мог понять, в чем она заключается.

– Ну допустим.

– Говорили вы это или нет? Отвечайте!

– Ну, говорил.

Хоу подался вперед:

– Тогда на каком основании вы требуете от меня вернуть вам это существо? У вас на него нет никаких прав.

– Но... но... – Джим не находил слов. Его обманули, запутали скользкими словами, он не знал, как на них отвечать. – Вы не можете так поступать! – выпалил он. – Вам он тоже не принадлежит. Вы не имеете права держать его под замком.

Хоу медленно соединил кончики пальцев:

– Этот вопрос требует рассмотрения. Хотя вы и отказались от своих прав на это существо, оно тем не менее может являться собственностью. В таком случае, поскольку оно было обнаружено на территории школы, я могу оформить его как школьное имущество – в качестве лабораторного образца.

– Вы не можете! Это нечестно! Если он кому-нибудь принадлежит, то он мой. Вы не имеете права...

– Молчать! – Джим умолк, и Хоу продолжал уже спокойнее: – Не указывайте мне, что я вправе делать, а что нет. Вы забываете, что по отношению к вам я нахожусь *in loco parentis*.²⁴ Любые права, какие у вас могут быть, принадлежат мне, как если бы я был вашим отцом. Что касается судьбы марсианского существа, я рассмотрю этот вопрос... сегодня я как раз собираюсь встретиться с генеральным представителем. В свое время вам сообщат о результате.

Латинская фраза сбила Джима с толку, как и было задумано, но он ухватился за другие слова Хоу:

– Я расскажу об этом своему отцу. Вам это так не пройдет.

– Угрозы? – скорбно улыбнулся Хоу. – Не трудитесь просить у меня ключ от телефонной будки, нечего школьнику звонить родителям каждый раз, когда я велю ему вытереть нос. Продиктуйте отцу письмо и представьте мне на прослушивание, прежде чем отправить. – Он встал. – Это все. Можете идти. Нет, подождите.

Он снова вышел в приемную и тут же вернулся – не на шутку взбешенным.

– Куда ты спрятал оружие? – спросил он.

Самообладание уже частично вернулось к Джиму, и он ничего не ответил директору.

– Отвечай мне! – настаивал Хоу.

– Один раз вы уже называли меня лжецом по этому поводу, – медленно проговорил Джим, – так что я вам больше ничего не скажу.

Хоу, не мигая, смотрел на него.

– Возвращайтесь в свою комнату! – приказал он.

Джим вышел из кабинета.

Фрэнк ждал его в комнате.

– Крови не видать, – объявил он при виде друга. – Как прошло?

– Ох, этот сукин сын! Какая дрянь, дрянь!

²⁴ На правах отца (*лат.*).

– Все плохо, да?

– Фрэнк, он не отдает Виллиса.

– Требуется отправить его домой? Но ты ведь к этому подготовился.

– Не в том дело. Он его вообще не отдает. Наплел мне с три короба, но суть в том, что он его забрал и теперь не отдаст. – У Джима был такой вид, будто он вот-вот разревется. – Бедный малыш Виллис, ты же знаешь, как он всего боится. Фрэнк, что мне делать?

– Не понимаю, – медленно ответил Фрэнк. – Он не может забрать Виллиса себе. Виллис твой.

– Говорю тебе, он нагородил с три короба, но смысл такой. Как мне забрать Виллиса? Фрэнк, я обязательно должен его вернуть.

Фрэнк не ответил. Джим беспомощно огляделся по сторонам и только сейчас обратил внимание на состояние комнаты.

– Что тут было? – спросил он. – Похоже, будто ты пытался тут все разнести.

– А-а-а. Я не успел тебе сказать. Пока тебя не было, парочка приспешников Хоу произвела у нас обыск.

– Чего?

– Пистолеты искали. Я прикинулся дурачком.

– Обыск, значит? – На лице Джима появилось решительное выражение. – Мне нужен Смайт. – И направился к двери.

– Эй, погоди, зачем тебе Смитти?

Джим оглянулся с постаревшим лицом:

– Возьму пистолет, вернусь к нему и заберу Виллиса.

– Джим! Ты рехнулся!

Джим, не отвечая, шел дальше.

Фрэнк подставил ему ногу, повалил и, уложив на обе лопатки, завернул ему правую руку за спину.

– Полежи-ка, пока не успокоишься, – сказал он.

– Пусти.

– У тебя в голове есть что-нибудь? Ладно, – продолжал Фрэнк, не получив ответа, – я могу так сидеть сколько захочешь. Дай мне знать, когда успокоишься. – Джим начал вырываться, но Фрэнк скрутил ему руку так, что он вскрикнул и замер. – Вот так-то лучше, – сказал Фрэнк. – Теперь слушай меня: ты славный парень, Джим, но с придурью. Ну возьмешь ты пистолет и напугаешь старину Хоу так, что он выплюнет Виллиса обратно, а дальше что? Знаешь, сколько Виллис пробудет у тебя? Ровно столько времени, сколько Хоу будет дозваниваться до полиции. Тебя посадят, а Виллиса снова отберут, и ты его больше не увидишь, не говоря уж о том, сколько горя и хлопот это принесет твоим родителям.

Последовало продолжительное молчание.

Наконец Джим сказал:

– Ладно, пусти.

– Раздумал махать пистолетом?

– Само собой.

– Честное слово? Клянешься?

– Да, обещаю.

Фрэнк отпустил его и слез. Джим потер руку и сказал:

– Мог бы и полегче.

– Он еще жалуется, нет бы спасибо сказать. Бери свою тетрадку, мы опаздываем на химию.

– Я не пойду.

– Не дури, Джим. Нахватаешь пропусков и вылетишь, и все только потому, что обозлился на директора.

– Не в том дело. Я ухожу, Фрэнк. Я в этой школе не останусь.

– Чего? Джим, не горячись. Я понимаю твоё состояние, но ведь учиться можно или здесь, или нигде. Твоим не по карману посылать тебя учиться на Землю.

– Значит, нигде. Здесь я не останусь. Побуду ещё, пока не удастся заполучить Виллиса, а потом уеду домой.

– Ну что ж... – почесал голову Фрэнк, – твоё проблема. Но знаешь, при всем при том на химию лучше пойти. Вреда от этого никакого, ты же не сейчас уходишь.

– Нет.

Фрэнк забеспокоился:

– Обещаешь сидеть здесь и ничего не выкидывать, пока я не вернусь?

– Чего ты волнуешься?

– Обещай, Джим, а то я тоже пропущу химию.

– Хорошо-хорошо! Иди на свою химию.

Фрэнк убежал.

Когда он вернулся, Джим лежал на койке.

– Спишь?

– Нет.

– Решил, что будешь делать?

– Нет.

– Хочешь чего-нибудь?

– Нет.

– Ты блестящий собеседник, – прокомментировал Фрэнк и сел за стол.

– Извини.

Весь день от Хоу ничего не было слышно. Фрэнк все-таки уговорил Джима пойти завтра на занятия, чтобы не привлекать к себе внимания, раз он хочет забрать Виллиса.

Во вторник Хоу тоже не давал о себе знать. Ночью, часа через два после отбоя, Фрэнка разбудил какой-то шорох в комнате.

– Джим! – тихо окликнул он.

Гробовое молчание. Фрэнк потихоньку протянул руку и включил свет. Джим стоял у двери.

– Джим, – пожаловался Фрэнк, – что же ты не отвечаешь? Хочешь напугать меня до смерти?

– Извини.

– Что случилось? Почему ты встал?

– Не важно. Спи дальше.

Фрэнк вылез из койки:

– Ну уж нет! У тебя опять этот дикий взгляд. Ну, давай расскажи все папочке.

– Не хочу я тебя впутывать, – отмахнулся Джим. – Ложись давай.

– Уж не ты ли меня уложишь? Кончай дурить и говори. Что ты задумал?

Джим неохотно рассказал. Он считал, что директор держит Виллиса где-то у себя в кабинете, и решил взломать дверь и попытаться спасти друга.

– А ты ложись спать, – закончил он. – Если тебя спросят, ты ничего не знаешь, ты всю ночь спал.

– Отпустить туда тебя одного? Ну нет! Надо же кому-то стоять на страже. – И Фрэнк начал рыться в шкафу.

– Мне помощь не нужна. Что ты там ищешь?

– Лабораторные перчатки, – ответил Фрэнк. – Хочешь ты или нет, но я все равно тебе помогу, безрукий ты идиот. Не хочу, чтобы тебя поймали.

– А перчатки зачем?

– Когда-нибудь слышал про отпечатки пальцев?

– Конечно, но он и так будет знать, кто это сделал. И мне плевать, я все равно уйду.

– Знать-то он будет, но не сможет ничего доказать. На, надевай.

Джим взял перчатки, и больше помощь Фрэнка в этой авантюре не обсуждалась.

Кража со взломом – на Марсе явление редкое, как и замки тоже. Что касается ночных сторожей – не для того доставляют людей за миллионы космических миль, чтобы они охраняли пустые коридоры в школе для мальчиков. Все, чем рисковали Джим с Фрэнком по пути в канцелярию, – это наткнуться на кого-нибудь идущего в неурочный час в туалет.

Они крались как можно тише, заглядывая за каждый угол коридора, прежде чем повернуть. Через несколько минут они оказались у двери канцелярии и надеялись, что их никто не заметил. Джим попробовал дверь – она была заперта.

– Зачем канцелярию-то запирают? – прошептал он.

– Из-за таких парней, как мы с тобой, – ответил Фрэнк. – Иди на угол и смотри в оба. – И Фрэнк атаковал замок ножом.

– Иду.

Джим подошел к пересечению коридоров и встал на страже. Через пять минут Фрэнк тихонько свистнул, подзывая его.

– Что случилось?

– Ничего. Заходи. – Фрэнк открыл дверь.

Они прокрались через канцелярию, где стояли столы для записи с грудями кассет, к внутренней двери, на которой было написано:

Маркиз Хоу,

ДИРЕКТОР.

Посторонним вход воспрещен

Надпись была новая, как и замок на двери. Замок был не из тех, что можно открыть ножиком. Он был кодовый, из титановой стали – такой впору ставить на сейф.

– Ты как, сможешь его открыть? – озабоченно спросил Джим.

Фрэнк присвистнул:

– Не говори глупостей, Джим. Вечеринка накрылась. Давай-ка попробуем вернуться в койки, пока не поймали.

– Может, сможем снять ее с петель?

– Она не в ту сторону открывается. Уж лучше попробую прорезать дырку в перегородке. – Фрэнк встал на колени и начал ковырять стену ножом.

Джим осмотрелся. Из коридора через комнату в кабинет директора шла вентиляционная труба. Отверстие, пробитое для нее в стене, было почти на ширину его плеч. Если отвинтить фланец и убрать колено трубы из отверстия в стене...

Нет, до трубы было не добраться, в комнате не было ничего, что можно использовать в качестве лестницы, а стеллажи для кассет, как оказалось, были привинчены к полу.

В нижней части двери была маленькая решетка, через которую выходил из кабинета отработанный воздух. Снять ее было нельзя, да и отверстие было недостаточно велико, но Джим лег на пол и попытался заглянуть в кабинет. Он ничего не увидел – внутри было темно.

Джим сложил ладони рупором и позвал:

– Виллис! А Виллис! Виллис, малыш...

Фрэнк тут же подскочил к Джиму и прошипел:

– А ну прекрати. Хочешь, чтобы нас засекли?

– Ш-ш! – Джим приложил ухо к решетке. Оба услышали приглушенный ответ:

– Джим, мальчик! Джим!

– Виллис! Иди сюда! Виллис! – ответил Джим и прислушался. – Он там, – сказал он Фрэнку. – Где-то заперт.

– Скорей всего, – согласился Фрэнк. – А теперь, может, ты уймешься, пока никто не пришел?

– Надо его оттуда вытащить. Как у тебя со стенкой?

– Ничего не выйдет. Под пластиком металлическая сетка.

– Все равно надо его вытащить. Но как?

– Да никак, черт возьми! – отрезал Фрэнк. – Мы все испробовали. Надо возвращаться.

– Можешь идти, если хочешь. Я останусь и вытащу его.

– Прямо беда с тобой, Джим, хоть бы раз ты сознался, что проиграл. Пошли!

– Нет. Ш-ш! Ты слышишь?

Фрэнк прислушался:

– Слышу. Что это?

Из кабинета слышалось царапанье.

– Это Виллис хочет вылезти, – заявил Джим.

– Все равно не сможет. Пошли.

– Нет.

Джим продолжал слушать у решетки. Фрэнк нетерпеливо переминался рядом – на сегодня с него довольно было приключений. Он разрывался между нежеланием бросать Джима и стремлением вернуться в свою комнату, пока их не застучали. Царапанье не прекращалось. Через некоторое время оно стихло, раздалось негромкое «шлеп», как будто что-то мягкое, но достаточно тяжелое упало с высоты около фута, а потом послышался легкий, почти неслышный топоток.

– Джим? Джим, мальчик?

– Виллис! – завопил Джим.

Голос попрыгунчика слышался у самой решетки:

– Джим, мальчик, возьми Виллис домой.

– Да-да! Стой там, Виллис. Джим подумает, как Виллису выйти.

– Виллис выйти. – Попрыгунчик заявил это очень решительно.

– Фрэнк, – торопливо сказал Джим, – если б у нас было что-то вроде лома, я бы выломал эту решетку. Может, Виллис и пролез бы.

– У нас ничего такого нет. Только ножи.

– Думай, парень, думай! Есть у нас в комнате что-нибудь подходящее?

– Как будто нет. – Царапанье за дверью возобновилось. – Что это Виллис там делает?

– Наверное, пытается открыть дверь. Надо ему как-то помочь. Слушай, стань мне на плечи и попробуй снять фланец с трубы.

– Бесполезно, – прикинул Фрэнк. – Даже если снять трубу, с той стороны будет решетка.

– Откуда ты знаешь?

– Так всегда бывает.

Джим замолчал. Фрэнк был, конечно, прав, и Джим это знал. Виллис все продолжал царапаться. Фрэнк опустил на одно колено, приложил ухо к решетке и стал слушать.

– Не волнуйся, – вскоре сказал он. – По-моему, Виллис и без нас управится.

– Что ты говоришь?

– Он там чем-то режет дверь, если слух меня не обманывает.

– Чем? Не может Виллис прорезать дверь. Я его дома много раз запираю.

– Может не может, видно будет. Наверное, раньше ему не так уж хотелось выйти.

Скребущий звук усилился. Через несколько минут решетку по кругу очертила тонкая линия разреза, а затем эта часть двери вывалилась наружу. В дыре тут же показался Виллис. Из его толстого тельца торчал шуп восьми дюймов длиной, в дюйм толщиной, с когтем на конце.

– Это еще что? – спросил Фрэнк.

– Понятия не имею. Он никогда раньше такого не проделывал.

Виллис втянул странную конечность внутрь и прикрыл мехом, как будто ее никогда и не было. Потом изменил форму, превратившись из шара в тыкву, и просочился в отверстие.

– Виллис выйти, – гордо объявил он.

Джим схватил его на руки:

– Виллис! Виллис, старина.

Попрыгунчик, сидя на руках у Джима, сказал с упреком:

– Джим мальчик потерялся. Джим ушел.

– Джим больше никогда не уйдет. Виллис и Джим будут вместе.

– Виллис вместе. Хорошо.

Джим потерся щекой о шерстку малыша. Фрэнк громко прочистил горло:

– Если вы, пара голубков, хотите сберечь свою шкуру, нам лучше бы вернуться в нашу берлогу.

– Конечно пошли.

Обратный путь они проделали быстро, и, кажется, никто их не видел. Джим уложил Виллиса к себе в кровать и огляделся вокруг:

– Что же взять с собой? Надо будет зайти к Смитти забрать пистолет.

– погоди, не спеши, – сказал Фрэнк. – Тебе ведь совсем не обязательно уходить.

– Как это?

– Наружный замок я не повредил, а замок Вонючки даже и не трогал. На то, что Виллис сбежал, указывает только дыра, в которую мы явно не пролезем, и еще, пожалуй, такая же у Вонючки в столе. Ничего он не докажет. Можешь отправить Виллиса домой, и с нас взятки гладки.

Джим замотал головой:

– Я ухожу. Дело не только в Виллисе. Я не остался бы в школе, которой заправляет Хоу, даже за деньги.

– К чему такая спешка, Джим?

– Я не спешу. Тебя я не виню за то, что ты остаешься, на будущий год ты сможешь сдать экзамены на кандидата в пилоты и уйти. Но если вдруг завалишь, могу поспорить, тебе тоже не захочется торчать здесь до окончания курса.

– Может, и не захочется. Ты уже придумал, как уйти, чтобы тебя не задержал Хоу? Не вздумай уходить до рассвета – слишком холодно.

– Дождусь рассвета и просто выйду за дверь. Если Хоу попытается меня остановить, ей-богу, я его прикончу.

– Идея в том, – сухо сказал Фрэнк, – чтобы не спровоцировать перестрелку. Думаю, нам надо найти для тебя какое-то укрытие, где ты отсидишься, пока не появится возможность уйти. Иначе тебя сразу сцапают – и привет.

Джим собирался спросить, зачем ему чего-то дожидаться, но тут включился Виллис, повторивший последние слова. Сначала он повторил их голосом Фрэнка, затем сочным голосом взрослого мужчины:

– Привет! – сказал он.

– Заткнись, Виллис.

Виллис повторил:

– Привет, Марк. Садись, мой мальчик. Всегда рад видеть тебя.

– Где-то я уже слышал этот голос, – задумчиво сказал Фрэнк.

– Благодарю вас, представитель. Как поживаете, сэр? – Теперь Виллис говорил с четкими, довольно манерными интонациями директора Хоу.

– Знаю, – сказал Фрэнк. – Я его слышал по радио. Это Бичер, генеральный представитель.

– Ш-ш, – сказал Джим, – я хочу послушать.

Виллис снова сказал сочным голосом:

– Неплохо, совсем неплохо для старика.

– Вздор, представитель, какой же вы старик. – Голос Хоу.

– Очень мило с твоей стороны, мой мальчик. Что у тебя в портфеле? Контрабанда?

Виллис воспроизвел подхалимский смешок Хоу:

– Не совсем. Это лабораторный образец – любопытная редкость, которую я конфисковал у одного ученика.

После короткой паузы сочный голос сказал:

– Батюшки-светы! Марк, где ты нашел такую тварь?

– Я же сказал, сэр, – услышался голос Хоу. – Вынужден был отобрать у одного из своих учеников.

– Да-да. А ты хоть имеешь представление, что это такое?

– Конечно, сэр. Я посмотрел. *Агеосефалопситтакус Брон...*²⁵

– Избавь меня от ученых слов, Марк. Это круглоголовик, марсианский круглоголовик, но не в том суть. Ты говоришь, что взял его у школьника. Как по-твоему, он согласится тебе его продать? – нетерпеливо спросил сочный голос.

– Не думаю, сэр, – медленно проговорил голос Хоу. – Я почти уверен, что он не захочет продать. Это так важно? – продолжил он после паузы.

– Важно? Это смотря что ты считаешь «важным», – ответил голос генерального представителя. – Как по-твоему, шестьдесят тысяч кредиток – это важно или нет? А то и семьдесят? Это сумма, которую наверняка уплатит за него Лондонский зоопарк, доставку они, разумеется, берут на себя.

– В самом деле?

– Конечно. У меня заказ от лондонского брокера на пятьдесят тысяч кредиток, а мне все никак не удается выполнить его. И думаю, цену можно будет еще поднять.

– Вот как? – осторожно сказал Хоу. – Это ради интересов Компании?

Помолчав немного, представитель от души рассмеялся:

– Марк, мой мальчик, ты меня уморишь. Вот послушай: тебя наняли заведовать школой, так или нет?

– Так.

– А меня наняли блюсти интересы Компании, верно? Весь день мы работаем на совесть и отрабатываем свое жалованье, а восемнадцать часов у нас остается для себя лично. Разве в твои обязанности входит поиск редких животных?

– Нет.

– И в мои не входит. Ты меня понял?

– Кажется, да.

– Уверен, что да. В конце концов, я же хорошо знаю твоего дядю, он не отправил бы сюда племянника, не объяснив ему, как устроена жизнь. Сам-то он прекрасно в этом разбирается, могу тебя заверить. Дело в том, мой мальчик, что здесь открывается масса возможностей для умного человека, только не зевай. Ничего незаконного, ты, конечно, понимаешь.

Виллис сделал паузу.

Джим заговорил было, но Фрэнк прервал его:

– Заткнись! А то что-нибудь пропустим!

²⁵ Марсианский головастый попугай громогласный (*лат.*).

– Все вполне законно, – продолжал голос представителя. – Законные возможности для бизнеса, естественным образом сопутствующие нашей служебной деятельности. Теперь насчет этого ученика: что нужно, чтобы убедить его продать круглоголовика? Я бы не стал предлагать ему слишком много, он может что-то заподозрить, а это нам ни к чему.

Хоу не спешил с ответом.

– Я почти уверен, что он откажется продавать. Но возможно, есть другой способ.

– Какой? Не понимаю.

Мальчики слышали, как Хоу излагает свою специальную теорию права собственности применительно к Виллису. Они не могли видеть, как Бичер тычет Хоу кулаком в бок, но слышали его сдавленный смех.

– Почему ты работаешь учителем? Твой талант зря пропадает в этой школе. Тебе нужно быть представителем Компании.

– Что ж, – ответил голос Хоу, – я не думаю, что буду учителем всю оставшуюся жизнь.

– Конечно-конечно. Мы подберем тебе место. И потом, школа станет меньше и не будет иметь такого значения, когда антимиграционная политика вступит в действие.

– О чем это он? – прошептал Фрэнк.

– Тихо! – шикнул Джим.

– А что, есть новости на этот счет? – поинтересовался Хоу.

– Я как раз жду сообщения от твоего дяди. Можешь заглянуть ко мне сегодня вечером, мой мальчик, возможно, у меня будут для тебя новости.

Последующая беседа не представляла особого интереса, но Виллис добросовестно воспроизвел ее. Мальчики дослушали до того места, когда Хоу распрощался, после чего Виллис умолк.

Джим весь кипел:

– Отдать Виллиса в зоопарк! Это же надо придумать! Надеюсь, он попытается задержать меня, когда я буду уходить, вот и повод его пристрелить.

– Спокойно, парень! Хотел бы я знать, что это за «антимиграционная» политика?

– По-моему, он сказал «иммиграционная».

– Я уверен, что это была «антимиграционная». Который час?

– Около трех.

– У нас еще почти три часа. Джим, давай попробуем, нельзя ли выжать из Виллиса еще что-нибудь. Подозреваю, там может быть что-то важное.

– Ладно. – Джим поднял пушистый шар и сказал: – Виллис, старичок, а что ты еще знаешь? Расскажи Джиму все, что ты слышал, все-все.

Виллиса не пришлось просить дважды. Он пересказал разговоры следующего часа – разные мелочи школьной жизни. Наконец терпение мальчиков было вознаграждено, они снова слышали маслянистые тона Гейнса Бичера:

– Марк, мой мальчик...

– О, представитель, входите, садитесь, прошу вас. Счастлив видеть вас.

– Я зашел только на минутку – сказать тебе, что получил сообщение от твоего дорогого дяди. Он шлет тебе привет.

– Как мило с его стороны. Благодарю вас, сэр.

– Не за что, мой мальчик. Закрой эту дверь, хорошо? – Виллис изобразил, как закрывается дверь. – Теперь можно говорить. Сообщение, разумеется, касалось отмены миграций.

– Вот как?

– Рад сообщить тебе, что комитет согласился с мнением твоего дяди. Южная колония останется на месте. Груз следующих двух кораблей отправится в Северную колонию, где у новых иммигрантов будет впереди почти двенадцать летних месяцев, чтобы подготовиться к зиме. Чему ты усмехаешься?

– Да так, сэр. Один ученик, дубина по фамилии Келли, говорил мне сегодня, что со мной сделает его отец, когда будет здесь проездом во время миграции. Воображаю его физиономию, когда он узнает, что его папаша здесь вообще не появится.

– Ты ничего ему не скажешь, – резко сказал представитель.

– Нет?

– Я хочу, чтобы все прошло по возможности без тренировок. Никто не должен ничего знать до последнего момента. Среди колонистов есть горячие головы, которые воспротивятся новой политике, хотя уже доказано, что при некоторых предосторожностях на Марсе вполне можно зимовать. Мой план состоит в том, чтобы отложить миграцию на две недели под каким-либо предлогом, затем опять отложить. К тому времени, когда я объявлю им новый приказ, будет слишком поздно предпринимать что-нибудь, им останется только подчиниться.

– Гениально!

– Спасибо. Только так и можно управлять колонистами, мой мальчик. Ты здесь еще слишком недавно, чтобы знать их так, как знаю я. Это неврастеники, в большинстве своем бывшие неудачниками на Земле, и они могут с ума свести своими требованиями, если не проявлять к ним твердость. Они как будто не понимают, что всем, что у них есть, и всем, что у них будет, они обязаны только Компании. Возьмем эти миграции: если дать колонистам волю, они так и будут гоняться за солнцем, словно богатые бездельники, и все за счет Компании.

– Полностью с вами согласен, – вставил Хоу. – Если судить по их деткам, это народ вспыльчивый и необузданный.

– Никчемная публика, – подтвердил генеральный представитель. – С ними надо быть твердым. Ну, мне пора. Кстати, об этом, э-э-э... образце: он у тебя в надежном месте?

– Да, конечно, сэр. Он заперт в этом шкафу.

– Мм... может быть, лучше перенести его ко мне?

– Вряд ли в этом есть необходимость. Вы обратили внимание на дверной замок? Здесь он в безопасности.

Они распрощались, и Виллис замолчал.

Фрэнк яростно шептал ругательства и никак не мог остановиться.

Глава 6

Побег

Джим потряс его за плечо:

– Приди в себя и помоги мне, а то я не успею.

– Вот жирный слизняк! – тихо сказал Фрэнк. – Я бы посмотрел, что он будет делать зимой в Хараксе. Может, ему нравится сидеть дома одиннадцать или двенадцать месяцев подряд или выходить наружу, когда там минус сто? Да чтоб он замерз, к чертям собачьим, – и помедленней!

– Конечно-конечно, – согласился Джим. – А теперь помоги мне.

Фрэнк вдруг вскочил, снял с вешалки скафандр и бросил его Джиму, потом снял свой скафандр и начал быстро его натягивать.

– Эй, ты что делаешь? – уставился на него Джим.

– Я иду с тобой.

– Чего?

– Думаешь, я буду сидеть здесь и учить уроки, когда они хотят бросить посреди полярной зимы мою мать? Мою родную мать! У мамы слабое сердце, это ее убьет. – Фрэнк открыл шкаф и начал выбрасывать из него вещи. – Давай шевелись.

Помедлив, Джим спросил:

– Это все так, Фрэнк, но как же твои планы? Если ты сейчас бросишь школу, тебе уж не быть космическим пилотом.

– Черт с ним! Есть вещи поважнее.

– Я и один могу предупредить всех о том, что затевается. Незачем ехать вдвоем.

– Как я сказал, так и сделаю.

– Ладно. Я просто хотел убедиться, что ты твердо решил. Пошли.

Джим надел свой скафандр, застегнул молнию, затянул ремни и стал укладывать свои пожитки. Большую часть их пришлось оставить – в сумке он собирался везти Виллиса.

– Слушай, парень, – сказал Джим, взяв Виллиса, – мы едем домой. Я хочу, чтобы ты сидел здесь, тут хорошо и тепло.

– Виллис поедет?

– Виллис поедет. Но я хочу, чтобы ты сидел в сумке и ничего не говорил, пока я не выпущу тебя. Понятно?

– Виллис не говори?

– Виллис ничего не говори, пока Джим не достанет его из сумки.

– Ладно, Джим, мальчик. – Виллис подумал и добавил: – Виллис играть музыку?

– Нет! Ни звука, ни слова. Никакой музыки. Виллис заткнется и будет молчать.

– Ладно, Джим, мальчик, – грустно ответил Виллис и превратился в гладкий шар.

Джим сунул его в сумку и закрыл молнию.

– Пойдем, – сказал Фрэнк. – Надо найти Смитти, забрать наши пистолеты и выдвигаться.

– Солнце взойдет не раньше чем через час.

– Придется рискнуть. Слушай, а сколько у тебя денег?

– Немного. А что?

– А за проезд чем платить, балда?

– Ох! – Джим был настолько озабочен другими вопросами, что не подумал о билетах. В школу они ехали бесплатно, но на дорогу домой у них не было льготы, придется платить.

Мальчики объединили свои капиталы – их не хватало даже на один билет, не то что на два.

– Что будем делать? – спросил Джим.

– Вытрясем деньги из Смитти.

– Как?

– Возьмем, и все. Если понадобится, я оторву ему руку и побью его по башке. Пойдем.

– Не забудь свои коньки.

Смайт жил один, что следовало приписать его незаурядным качествам. Когда его потрясли за плечо, он тут же проснулся и со словами «да-да, офицер, я пойду сам» сел на кровати.

– Смитти, – сказал Джим, – нам нужны наши пакеты.

– Мы закрыты на ночь. Приходите утром.

– Они нам нужны сейчас.

Смайт вылез из постели:

– Ночное обслуживание, разумеется, по повышенной таксе. – Он встал на койку, снял вентиляционную решетку и, просунув глубоко руку, вытащил свертки.

Джим и Фрэнк достали пистолеты и прицепили их к поясу. Смайт наблюдал за ними, подняв брови.

– А еще нам нужны деньги. – Фрэнк назвал сумму.

– А я тут при чем?

– При том, что я знаю: у тебя они есть.

– Да? И что я получу взамен? Вашу искреннюю признательность?

– Нет. – Фрэнк достал логарифмическую линейку, красивый круглый инструмент с двадцатью одной шкалой. – Сколько дашь за нее?

– Ну-у... шесть кредиток.

– Не дури! Отец за нее отдал двадцать пять.

– Ну, восемь. Мне ее больше чем за десять не продать.

– Возьми в залог за пятнадцать.

– Десять наличными. У меня тут не ломбард.

Линейка Джима ушла за меньшую сумму, за ней последовали двое часов и еще несколько вещей подешевле.

Друзьям больше нечего было продать, кроме коньков, а с ними расстаться они отказались, хотя до нужной суммы не хватало еще двенадцати кредиток.

– Остаток придется поверить нам на слово, Смитти, – сказал Фрэнк.

Смайт какое-то время изучал потолок.

– Ну, поскольку вы были хорошими клиентами, я вам скажу: я собираю еще и автографы.

– Чего?

– Дадите мне одну долговую расписку на двоих, из шести процентов в месяц. Обеспечивается фунтом плоти из вашей груди.²⁶

– Хорошо, – сказал Джим.

Наконец они собрались уходить. Смайт сказал:

– Мой хрустальный шар говорит мне, что вы, джентльмены, собираетесь слинять. Это каким же образом?

– Каким? Уйдем, и все, – сказал Джим.

– Мм... вы, должно быть, не обратили внимания на то, что входная дверь теперь на ночь запирается. Наш друг и наставник мистер Хоу лично отпирает ее, когда приходит утром.

– Врешь!

– Иди сам посмотри.

Фрэнк дернул Джима за руку:

– Пошли. Взломаем замок, если надо.

– Зачем так усложнять? – возразил Смайт. – Идите через кухню.

²⁶ Отсылка к трагедии У. Шекспира «Венецианский купец». Фразу о «фунте плоти» произносит еврей-ростовщик Шейлок.

– Ты хочешь сказать, что задняя дверь не заперта? – спросил Фрэнк.
– Почему же, она прекрасно заперта.
– Тогда нечего давать дурацкие советы.
– Мне стоило бы обидеться, но я учитываю, кто это говорит. Хотя задняя дверь и заперта, братец Хоу пока не додумался запирать мусорный люк.
– Мусорный люк? Еще чего! – взорвался Джим.
– Как угодно. Это единственный способ выбраться наружу.
– Мы им воспользуемся, – решил Фрэнк. – Пошли, Джим.
– Погодите, – остановил их Смайт. – Если один из вас отправит по мусоропроводу другого, кто же отправит его самого? Он застрянет.
– Все ясно – это будешь ты, – сказал Фрэнк, глядя на Смайта.
– А что я получу взамен?
– Да чтоб тебя! А по башке не хочешь получить? Ты уж и так вытряс из нас все, что только можно.

– Я же не отказываюсь помочь, – пожал плечами Смайт. – В конце концов, это я показал вам выход. Ладно, я запишу это полностью себе в убыток – репутационные издержки и рекламные расходы. Кроме того, не люблю, когда мои клиенты вступают в конфликт с законом.

Все отправились на большую школьную кухню. Осторожное продвижение Смайта по коридорам указывало на длительную практику нарушителя. Когда пришли на место, он уточнил:

– Итак, кто первый?

Джим брезгливо осмотрел мусоропровод. Это был металлический цилиндр в форме бочонка, вделанный в стену. Его можно было вращать вокруг оси с помощью рычажка на стене. Отходы закладывались внутрь и через большое отверстие выбрасывались наружу, причем давление в здании не нарушалось, – это было простейшее шлюзовое устройство. Внутренность цилиндра хранила множество признаков того, для какой цели он предназначен.

– Я пойду первым, – решился Джим и натянул маску на лицо.

– погоди секунду, – сказал Фрэнк, глядя на банки с консервами, стоящие на стеллажах вокруг кухни. Он выбросил из сумки какую-то одежду и начал укладывать вместо нее банки.

– Скорее, – торопил Смайт. – Я хочу вернуться к себе, пока не прозвонили подъем.

– Ну зачем они тебе? – поддержал Джим. – Через несколько часов мы будем дома.

– Да так, на всякий случай – чутье. Все, я готов.

Джим залез в мусоропровод, поджав колени и притиснув сумку к груди. Цилиндр повернулся – Джим почувствовал внезапное падение давления и леденящее дыхание мороза. Джим поднялся с земли на задворках школы.

Цилиндр со скрипом вернулся в исходное положение, и спустя мгновение рядом с Джимом приземлился Фрэнк. Джим помог ему встать.

– Парень, ты весь уделался! – сказал он, стряхивая со скафандра Фрэнка картофельное пюре.

– Ты тоже, только некогда этим заниматься. Ничего себе, ну и холодина!

– Скоро потеплеет. Пошли.

На востоке уже розовело, хотя ночной холод еще держался. Они вышли переулком на улицу позади школы и повернули направо. Эта часть города была совершенно земная, можно было подумать, что находишься на Аляске или в Норвегии, но древние башни Малого Сырта, словно выгравированные на светлеющем небе, перечеркивали земной вид улицы.

Друзья вышли, как и было задумано, на отводной канал, сели и надели коньки. Коньки были беговые, с двадцатидвухдюймовыми, острыми как бритва лезвиями, рассчитанные только на скоростной бег. Джим управился первым и спустился на лед.

– Давай скорей, – сказал он. – Я чуть задницу себе не отморозил.

- Отморозишь тут.
- Лед такой твердый, что трудно стоять.

Фрэнк спустился к нему. Взяв сумки, они покатали вперед. Через несколько сот ярдов приток вывел их на Большой городской канал, они свернули на него и побежали к скутерной станции. Несмотря на быстрый бег, они совсем замерзли, пока добрались.

Через входной шлюз они прошли на станцию. Там дежурил только один клерк, и Фрэнк подошел к нему:

- Идет сегодня скутер в Южную колонию?
- Минут через двадцать, – сказал клерк. – Хотите отправить сумки?
- Нет, нам два билета.

Фрэнк выложил их совместный капитал. Клерк молча выдал билеты, и Джим вздохнул с облегчением: скутеры в колонию ходили не каждый день. Его мучила мысль: а вдруг придется скрываться сутки или еще больше и как потом уехать, не попавшись на глаза Хоу?

Они сели в зале ожидания, и некоторое время спустя Джим сказал:

- Фрэнк, Деймос взошел?
- Не заметил. А что?
- Может, сумею дозвониться домой.
- Денег нет.
- Закажу с оплатой на номер вызова.

Джим вошел в кабину напротив стойки клерка – тот посмотрел, но ничего не сказал – и вызвал станцию. В глубине души ему не терпелось поговорить с отцом с тех самых пор, когда Виллис выдал секрет об отмене миграции.

На экране появилась приятная молодая женщина с полосатыми, по моде, волосами.

- Я хотел бы поговорить с Южной колонией.
- Связь будет позже, – сообщила телефонистка. – Желаете записать сообщение для последующей передачи?

Джим знал, что такие сообщения с оплатой на номер вызова не принимаются.

- Нет, спасибо, я перезвоню позже, – соврал он и выключил аппарат.

Клерк постучал в дверь кабины:

- Водитель вас ждет.

Джим быстро опустил маску и вслед за Фрэнком прошел через шлюз. Водитель как раз закрывал багажное отделение скутера. Он взял у них билеты, и мальчики прошли в салон. Они опять были единственными пассажирами и заняли обзорные места.

Через десять минут, устав смотреть на встающее прямо впереди солнце, Джим объявил:

- Я спать хочу, пойду вниз.
- А я, пожалуй, попрошу водителя включить радио, – сказал Фрэнк.
- Да ну его. У нас была трудная ночь. Пошли.
- Ну ладно.

Они сошли вниз, залезли в койки и через несколько минут оба храпели.

Скутер, выйдя из Малого Сырта на рассвете, опережал дневную оттепель, и ему не пришлось отстаиваться в Гесперидах. Он продолжал путь на юг и около полудня добрался до Кинии. Зима уже вступила в свои права, не нужно было беспокоиться, выдержит ли лед между Кинией и Хараксом, Стримон теперь не растает до весны.

Водитель был доволен, что не вышел из графика. Когда в конце утреннего перегона взошел Деймос, можно было расслабиться и включить радио. То, что водитель услышал, заставило его внимательно посмотреть на своих пассажиров. Они все еще спали, и водитель решил ничего не предпринимать, пока не прибудет на станцию Киния.

Причалив к станции, он поспешил внутрь. Джим и Фрэнк проснулись, когда скутер остановился, но не спешили выходить из машины.

Вскоре водитель вернулся:

– Остановка на обед. Все на выход.

– Мы не хотим есть, – сказал Фрэнк.

Водитель растерялся:

– Все-таки лучше выйти. В машине становится зверски холодно, когда она стоит.

– Нам все равно.

Фрэнк подумал, что можно будет достать из сумки какие-нибудь консервы, когда водитель уйдет, со вчерашнего ужина до полудня, как считал его желудок, прошло очень много времени.

– В чем проблема? – спросил водитель. – Финансы? – По выражению их лиц он понял, что угадал правильно. – Пошли, я угощаю – по сэндвичу на брата.

Фрэнк отказался было, но Джим сказал:

– Ладно тебе, Фрэнк. Спасибо, сэр, мы согласны.

Джордж, агент и фактотум²⁷ станции Киния, внимательно посмотрел на них и молча подал сэндвичи. Водитель быстро расправился с обедом и встал, но, видя, что мальчики последовали его примеру, сказал:

– Вы не торопитесь, у меня еще работы минут на двадцать, на тридцать: погрузиться надо и проверить машину.

– Может быть, вам помочь? – спросил Джим.

– Не стоит. Вы мне только мешать будете. Я вас позову, когда управлюсь.

– Ладно. Спасибо за сэндвичи.

– На здоровье.

И он вышел.

Минут через десять они услышали шум двигателя. Испуганный Фрэнк бросился к окну, выходящему на канал. Скутер удалялся по направлению к югу. Фрэнк обернулся к агенту:

– Эй, он нас не дождался!

– Ага.

– Он ведь сказал, что позовет!

– Угу. – Агент продолжал читать газету.

– Но... но почему? – настаивал Фрэнк. – Он ведь велел нам подождать!

Агент отложил газету:

– Дело вот в чем. Клем – человек мирный. Я, говорит, не фараон и даже пробовать не стану – шутка ли, арестовать двух рослых, крепких парней, к тому же вооруженных.

– Что-о?

– То, что слышали. Только не махайте тут своими горелками, вы же видите, я без оружия, по мне – хоть всю станцию забирайте.

Джим подошел к стойке и встал рядом с Фрэнком:

– А в чем дело-то?

– Это вы мне скажите. Я знаю только, что по радио передали, чтобы вас задержать. Вас обвиняют в краже со взломом, воровстве, побеге из школы, порче имущества Компании – короче, во всем на свете, кроме диверсий на канале. Похоже, вы из отпетых, хотя по виду не скажешь.

– Понятно, – медленно сказал Фрэнк. – Ну и что вы собираетесь с нами делать?

– Да ничего. Вообще ничего. Завтра утречком придет специальный скутер, и там, полагаю, будет достаточно народу, чтобы управиться с парочкой беглых преступников. А пока можете делать что хотите. Погуляйте, например. А как замерзнете, возвращайтесь обратно. – И он снова взялся за газету.

²⁷ Фактотум – работник на все руки.

– Ясно. Пошли, Джим.

Они отступили в дальний угол помещения, чтобы устроить военный совет. Агента можно было понять. Станция Киния буквально на тысячи миль удалена от какого-либо жилья – это единственное человеческое становище, где можно укрыться от убийственного ночного холода.

Джим чуть не плакал:

– Прости меня, Фрэнк. Если бы мне не приспичило пожрать, ничего бы не случилось.

– Не надо трагедий, – посоветовал Фрэнк. – Ты можешь себе представить, как мы стреляем в двух безвинных людей и захватываем скутер? Я не могу.

– Ну да, тоже верно.

– Конечно. Надо решать, что делать дальше.

– Одно знаю: обратно в школу меня не затащат.

– Меня тоже. А самое главное – надо предупредить наших о том, что против них готовится.

– Слушай, а вдруг сейчас удастся дозвониться?

– Думаешь, он нам позволит? – Фрэнк кивнул в сторону агента.

– Кто его знает. Но пистолеты при нас, а я теперь на все готов. – Джим встал и подошел к агенту. – Не возражаете, если мы воспользуемся телефоном?

Агент даже не поднял на него глаз:

– Сделайте одолжение.

Джим вошел в будку. Аппарат не соединился с телефонным коммутатором – это был радиопередатчик, связанный с ретранслятором на спутнике планеты. Табло светилось, значит Деймос поднялся над горизонтом. Увидев это, Джим нажал кнопку вызова и попросил соединить его с Южной колонией. После необычайно длинной паузы приятный безличный голос объявил:

– По независящим от нас причинам сообщения со станции Киния на Южную колонию не принимаются.

Джим стал спрашивать, виден ли Деймос из Южной колонии: он знал, что прямая видимость – необходимое условие для радиосвязи на Марсе (другие способы радиосвязи ему были попросту неизвестны). Но станция отключилась, не отвечая на повторный вызов. Джим вышел из будки и рассказал Фрэнку о своей неудаче.

– Видно, Хоу нас засек, – заметил Фрэнк. – Я не верю, что у них повреждение. Разве что...

– Что «разве что»?

– Разве что дело не только в нас. Может быть, Бичер принял меры против утечки информации, пока не осуществит свои планы.

– Фрэнк, нам обязательно надо послать весточку своим. Держу пари: мы сможем укрыться у марсиан в Кинии. Мы ведь разделили с ними воду и...

– Ну, предположим. Что нам это даст?

– Дай договорить. Можно отправить отсюда письмо – мы в нем обо всем напишем и скажем, где скрываемся. А потом будем ждать, когда наши приедут за нами.

Фрэнк покачал головой:

– Если мы оставим письмо здесь, вон тот тип с каменным лицом тут же передаст его копам, когда мы уйдем. И получат его не наши родители, а Хоу с Бичером.

– Ты правда так думаешь? Какое они имеют право вскрывать личную почту?

– Не будь ты таким наивным. Имел Хоу право заставлять нас сдавать оружие? Однако он это сделал. Нет, Джим, мы должны сами доставить новости.

На стене перед ними висела карта района, обслуживаемого станцией Киния, и Фрэнк во время разговора рассматривал ее. Вдруг он сказал:

– Джим, что это за новая станция к югу от Кинии?

– Что? Где ты ее увидел?

– Да вот. – На карте к югу от станции, на западном Стримоне, чернилами был поставлен крестик.

– Это? Наверное, одна из станций Проекта, – сказал Джим.

Грандиозный план насыщения атмосферы кислородом предусматривал на будущую весну создание цепочки кислородных заводов в пустыне между Кинией и Хараксом. К пуску в Ливии завода номер один было уже подготовлено несколько станций.

– Он не дальше сотни миль отсюда.

– Ну, скажем, сто десять, – прикинул по масштабной линейке Джим.

Глаза Фрэнка смотрели куда-то в неведомую даль.

– Я, пожалуй, смогу пробежать это расстояние до темноты. Ты как, играешь?

– Да ты что, спятил? Все равно нам останется до дому больше семисот миль.

– Мы за день можем покрыть больше двухсот. Разве других станций нет?

– На карте они не отмечены. – Джим задумался. – Я точно знаю, что их должно быть несколько, – отец говорил.

– Если надо, мы можем бежать ночью, а днем спать. Тогда не замерзнем.

– Хм... Ты шутишь? Я раз видел человека, которого ночь застала снаружи. Он одеревенел, как доска. Ладно, когда отправляемся?

– Прямо сейчас.

Они взяли сумки и пошли к двери.

Агент оторвался от газеты и спросил:

– Куда собрались-то?

– Погулять.

– Сумки можете оставить, вы ведь вернетесь.

Джим и Фрэнк, не отвечая, вышли за дверь. Пять минут спустя они скользили на юг по западному Стримону.

* * *

– Эй, Джим!

– Чего?

– Давай остановимся на минутку. Хочу повесить сумку за спину.

– Я как раз об этом подумал.

Дорожные сумки нарушали баланс, мешали правильному движению рук и не давали набрать нужную скорость. Но поскольку коньки были на Марсе обычным средством передвижения, сумки снабжались особыми ремнями, чтобы можно было нести их как рюкзаки. Прежде чем забросить сумку за спину, Джим открыл ее. Виллис выставил глазки и с укором посмотрел на него:

– Джим долго нет.

– Извини, старина.

– Виллис не говори?

– Виллису теперь можно говорить. Слушай – если я приоткрою сумку, чтобы тебе было видно, ты не выпадешь?

– Виллис хочет гулять.

– Нельзя. Зато я тебя прокачу. Ты не вылетишь?

– Виллис не вылетишь.

– Ладно.

Джим перекинул сумку за спину, и они снова тронулись в путь, набирая скорость. Гладкий лед, слабое сопротивление воздуха и низкая марсианская гравитация – благодаря этому

скорость конькобежца на Марсе ограничивалась лишь его мастерством, а Джим с Фрэнком обладали им в полной мере.

– И-и-их! – радостно завопил Виллис, и они начали отсчитывать милю за милей.

Пустынное плато между Кинией и Хараксом расположено выше дна мертвого моря, лежащего между Кинией и экватором. По этому стоку вода с Южного полюса поступает через пустыню к широкому экваториальному зеленому поясу. В середине зимы южная полярная шапка подступает к Хараксу, а весной, когда она начинает таять, двойной канал Стримон, берущий начало в Хараксе, служит для нее одним из главных водостоков.

Мальчики сейчас поднимались вверх по водостоку, и берега канала были высоко над их головами. К тому же уровень воды (или льда) теперь, поздней осенью, был низким – во время весеннего паводка он будет гораздо выше. Ничего не было видно, кроме высоких берегов и неба, голубого на горизонте и фиолетово-черного над головой. Солнце было у них за спиной, чуть западнее небесного меридиана, оно двигалось к северу, к моменту северного летнего солнцестояния. Времена года на Марсе не запаздывают так, как на Земле, здесь нет океанов, удерживающих тепло, и единственный «маховик» климата – это таяние и замерзание полярных шапок.

Смотреть было не на что, и мальчики сосредоточились на движении, опустив голову и размахивая руками.

После многих миль однообразного бега Джим потерял бдительность: носок его правого конька попал в какую-то трещинку на льду, и Джим упал. Благодаря скафандру он не обжегся об лед, да и падать он умел, но Виллис выскочил из сумки как пробка из бутылки.

Попрыгунчик инстинктивно втянул все отростки разом, подпрыгнул, как мячик на льду, и покатился дальше; так он пробежал несколько сот ярдов. Фрэнк, видя, что Джим свалился, затормозил, как хоккеист, в облаке ледяной пыли и вернулся, чтобы помочь Джиму подняться.

– Ты как, ничего?

– Порядок. Где Виллис?

Они поехали вперед и обнаружили Виллиса, который стоял на ножках и ждал их.

– Ура-а! – заорал он. – Давай еще раз!

– Ну уж нет, – возразил Джим и затолкал его обратно в сумку. – Слушай, Фрэнк, сколько времени мы уже в пути?

– Не больше трех часов, – определил Фрэнк, поглядев на солнце.

– Жаль, часов нет, – посетовал Джим. – Не пропустить бы станцию.

– О, до нее еще часа два, как минимум.

– А вдруг проедем мимо? Нам же не видно, что там, на берегу.

– Хочешь вернуться и проверить?

– Ну нет.

– Тогда не дергайся.

Джим замолчал, но беспокоиться не перестал. Может быть, потому он и заметил единственный признак станции Проекта, а Фрэнк прокатился мимо. Это был обычный пандус, подымавшийся на берег. Такие пандусы встречались через каждые несколько миль и были такими же древними, как сами каналы, но над этим торчала балка – должно быть, для подвески талей. Джиму подумалось, что это работа землян. Он остановился. Фрэнк, заметив, что Джима нет рядом, повернул назад:

– Что такое?

– По-моему, это то самое и есть.

– Хм... все может быть.

Они сняли коньки и поднялись по пандусу. Наверху, недалеко от берега, стоял надувной дом, отличительный признак пришельцев с Земли. Рядом был заложен фундамент кислородного завода. Джим испустил глубокий вздох. Фрэнк кивнул и сказал:

– Как раз там, где мы ожидали.

– И как раз вовремя, – добавил Джим.

Солнце клонилось к западу и на глазах опускалось все ниже.

На станции, конечно, никого не было, работы на этой широте возобновятся только весной. Давление внутри станции было сброшено, мальчики просто открыли защелку на двери и вошли. Фрэнк нашарил выключатель и включил свет; электричество вырабатывал атомный блок питания, не требующий присутствия человека. Станция представляла собой обычный барак с рядами коек и кухней, но Фрэнк был на вершине блаженства:

– Прямо как дома, Джим.

– Ага.

Джим нашел термостат, включил его, и комната стала нагреваться. Послышались легкие вздохи, это регулятор давления, встроенный в термостат, задействовал воздушный компрессор. Через несколько минут мальчики смогли снять маски, а потом и скафандры. Джим стал обыскивать кухню, открывая шкафы и заглядывая на полки.

– Нашел что-нибудь? – спросил Фрэнк.

– Ни фига. Могли бы хоть банку фасоли оставить.

– Вот теперь ты порадуешься, что я перед уходом ограбил кухню. Ужин через пять минут.

– У тебя прямо криминальный талант, – признал Джим. – Воздаю тебе должное. – Он покрутил водопроводный кран и объявил: – В баках полно воды.

– Это хорошо, – ответил Фрэнк. – Не придется идти колоть лед. Мне надо залить воды в маску. Последние несколько миль я бежал всухую.

В гребне на респираторной маске находится не только маленький компрессор с источником питания, поддерживающий давление в маске, там есть еще и резервуар для воды. Через ниппель внутри маски можно попить, не снимая ее, но это не главная функция резервуара. В первую очередь вода нужна для того, чтобы увлажнять фильтр, через который компрессор прогоняет воздух, поступающий в маску.

– Как всухую? Ну, черт тебя подери, Фрэнк! Ты ничего лучше не придумал, кроме как выпить все досуха?

– Я забыл залить воду, когда мы уходили.

– Турист!

– Ну мы ведь спешили, ты же знаешь.

– Сколько времени ты был сухой?

– Не знаю точно, – уклонился Фрэнк.

– Как твое горло?

– Нормально. Разве что чуть-чуть пересохло.

– Дай я посмотрю, – сказал Джим, подойдя к нему.

Фрэнк оттолкнул его:

– Говорю тебе: нормально. Давай лучше поедим.

– Как скажешь.

Они поужинали консервированным говяжьим фаршем и поскорее улеглись спать. Виллис пристроился Джиму под бок и подражал его храпу.

На завтрак было то же самое: фарш еще остался, а Фрэнк настаивал на том, что ничего не должно пропадать. Виллис не стал завтракать, потому что поел всего две недели назад, зато выпил целую кварту воды. Перед уходом Джим показал Фрэнку электрический фонарик:

– Смотри, что я нашел.

– Положи на место, мы уходим.

– Пожалуй, я возьму его, – ответил Джим, засовывая фонарик в сумку. – Вдруг пригодится.

– Не пригодится, и он не твой.

- Да бог ты мой, я ж его не ворую, а беру займы – при чрезвычайных обстоятельствах.
- Ладно, давай двигаться, – пожал плечами Фрэнк.

Через несколько минут они спустились на лед и снова покатали на юг. День был чудесный, как почти все дни на Марсе. Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы заглянуть в русло канала, заметно потеплело, несмотря на глубокую осень. К полудню Фрэнк приметил заветную балку – знак станции Проекта, и им удалось пообедать в доме. Это избавило их от скучной, неопрятной и неэффективной операции – питаться через клапан маски. Дом был близнецом первого, но фундамент завода отсутствовал.

Перед уходом Джим сказал:

- Ты что-то красный, Фрэнк. У тебя температура?
 - Это признак цветущего здоровья, – заверил Фрэнк. – Все хорошо.
- Однако он кашлял, надевая маску.

«Марсианский катар», – подумал Джим, но ничего не сказал, он все равно не мог ничем помочь Фрэнку.

Марсианский катар сам по себе не болезнь, а просто крайняя сухость носоглотки. Она появляется, когда человек дышит марсианским воздухом без защитных средств. Влажность на Марсе, как правило, равна нулю, и пересохшая слизистая оболочка открывает дорогу всем болезнетворным микробам, которые в тот момент находились в горле. Обычно дело кончается жестокой ангиной.

День прошел без происшествий. Когда солнце стало клониться к закату, можно было предполагать, что до дома осталось не более пятисот миль. Джим весь день не спускал глаз с Фрэнка. Тот бежал на коньках так же резво, как и вчера. «Может быть, кашель – просто ложная тревога», – решил Джим.

- Пора бы подумать о ночлеге, – сказал он, поравнявшись с Фрэнком.
- Согласен.

Вскоре они проехали очередной пандус, построенный давно умершими марсианами, но ни подъемной балки, ни каких-либо иных знаков деятельности землян не было видно. Берега, хоть и стали чуть пониже, все же были слишком высоки, и с канала нельзя было увидеть, что находится наверху. Джим немного ускорил темп, и они помчались вперед.

Показался следующий пандус, но снова ничто не указывало на то, что над ним может быть станция. Джим остановился:

– Предлагаю подняться и посмотреть. Мы точно знаем, что станции строят возле пандусов, а балку могли и опустить зачем-нибудь.

– А если мы только потеряем драгоценное время? – возразил Фрэнк. – Лучше поторопимся и доедем до следующего пандуса, пока не стемнело.

– Ну как скажешь. – Джим оттолкнулся и начал набирать скорость.

У следующего пандуса история повторилась. Джим снова остановился и взмолился:

– Давай взглянем. К следующему мы не успеем до заката.

– Хорошо. – Фрэнк нагнулся снять коньки.

Они поспешили наверх. В косых лучах солнца не было видно ничего, кроме растительности, окружающей канал. Джим чуть не заревел от усталости и разочарования.

– Что же теперь делать? – сказал он.

– Спускаемся, – ответил Фрэнк, – и продолжаем бежать, пока не найдем.

– Вряд ли мы разглядим подъемную балку в темноте.

– Тогда будем бежать, пока не упадем, – мрачно сказал Фрэнк.

– Мы замерзнем раньше.

– Хорошо. Если хочешь знать мое мнение, – ответил Фрэнк, – то нам конец. Я, к примеру, не смогу бежать всю ночь, даже если мы не замерзнем раньше.

– Тебе плохо?

– Мягко говоря, да. Пошли.

– Хорошо.

Виллис вылез из сумки Джима на плечо, чтобы лучше видеть. Внезапно он соскочил вниз и куда-то покатился. Джим попытался схватить его, но промахнулся:

– Эй! Виллис! Назад!

Виллис не отвечал. Джим побежал его догонять, с трудом продираясь сквозь заросли. Днем он спокойно прошел бы под листьями, но теперь, к вечеру, почти все растения опустились и стали ему по колено – скоро они уйдут на ночь в землю. Более чувствительные к морозу уже исчезли, и на их месте осталась голая земля. Виллису заросли не мешали, но Джим путался в них и никак не мог изловить маленького негодника. Фрэнк закричал:

– Берегись водоискалок! Смотри, куда идешь!

Предупрежденный, Джим стал продвигаться более осторожно – и еще медленнее. Наконец он остановился.

– Виллис, – позвал он, – а Виллис! Вернись! Вернись, чтоб тебя, а то мы уйдем и бросим тебя здесь. – Это была совершенно пустая угроза.

Фрэнк с треском продрался к нему:

– Нельзя больше здесь оставаться, Джим.

– Само собой. Кто ж его знал, что он выкинет такой номер в самый неподходящий момент?

– Надоел он до смерти, вот что. Пойдем.

Издалека донесся голос Виллиса или, скорее, голос Джима, который имитировал Виллис:

– Джим, мальчик! Джим! Иди сюда!

Джим, а за ним и Фрэнк стали пробираться сквозь жмущиеся к земле растения. Попрыгунчик сидел на краю огромного листа пустынной капусты – все растение насчитывало пятьдесят ярдов в поперечнике. Пустынная капуста не часто встречается вблизи каналов. Это сорняк, и ее не допускают на заросшее дно бывшего моря в низких широтах, зато ее часто находят в пустыне за многие мили от источников воды.

Листья, обращенные к западу, все еще были распластаны веером по земле, но те, что росли к востоку, поднялись почти вертикально, жадно ловя солнечные лучи, необходимые для фотосинтеза, а значит, для жизни. Растение было морозостойким, после захода солнца оно сворачивалось, но под землю не уходило. Капуста просто сжималась в тугий шар, защищаясь от холода, и тем напоминала в гигантском масштабе земное растение, в честь которого была названа.

Виллис сидел на листе, распластанном по земле, и Джим потянулся за ним.

Виллис подпрыгнул и укатился к самой сердцевине растения. Джим остановился и сказал:

– Виллис, чтоб тебя, вылезай. Ну пожалуйста.

– Не ходи за ним, – предостерег Фрэнк. – Вдруг она сейчас свернется. Солнце почти что село.

– Я стою на месте. Виллис! Вернись!

– Иди сюда, Джим, – отозвался Виллис.

– Нет, это ты иди сюда.

– Джим, иди сюда. Фрэнк, иди сюда. Там холодно. Здесь тепло.

– Фрэнк, что делать?

– Иди, Джим, – снова позвал Виллис. – Тепло! Тепло всю ночь.

– Знаешь что, Фрэнк, – опешил Джим. – Кажется, он хочет пересидеть ночь в капусте. И хочет, чтобы мы к нему присоединились.

– Похоже на то.

– Иди, Джим! Иди, Фрэнк! – настаивал Виллис. – Скорей!

– Возможно, он знает, что делает, – сказал Фрэнк. – Док говорит, у него есть инстинкты для жизни на Марсе, а у нас нет.

– Но нельзя же лезть в капусту. Она нас раздавит.

– Ну, не знаю.

– А нет, так задохнемся.

– Возможно. Делай как знаешь, Джим, – сказал вдруг Фрэнк, – но я больше не могу бежать на коньках.

Он поставил ногу на широкий лист, который при этом дрогнул, и пошел прямо к Виллису. Джим какой-то миг колебался, потом бросился следом.

– Молодец, Фрэнк! Молодец, Джим! – восторженно приветствовал их Виллис. – Хорошо, тепло всю ночь.

Солнце опускалось за отдаленную дюну, подул холодный закатный бриз. Наружные листья растения поднялись и начали сворачиваться.

– Еще не поздно выскочить, Фрэнк, – нервно сказал Джим.

– Я остаюсь, – сказал Фрэнк, сам глядя с тревогой на приближающиеся листья.

– Мы задохнемся.

– Возможно. Все лучше, чем замерзнуть.

Внутренние листья закрывались быстрее, чем наружные. Один лист, четырех футов в ширину и десяти в длину, поднялся дыбом за спиной у Джима и стал загибаться, пока не коснулся его плеча. Джим нервно стряхнул его. Лист отпрянул и снова начал медленно приближаться к Джиму.

– Фрэнк, – пронзительно вскрикнул Джим, – они нас задушат!

Фрэнк с опаской посмотрел на широкие листья, которые склонились над ними со всех сторон.

– Джим, – сказал он, – сядь. Расставь ноги пошире. Теперь бери меня за руки, сделаем свод.

– Зачем?

– Чтобы занять как можно больше места. Скорей!

Джим послушался. Действуя руками, локтями и коленями, они отвоевали себе неправильную сферу пяти футов в поперечнике и чуть меньше высотой. Листья коснулись их, словно ощупывая, а потом сомкнулись вокруг них, но не с такой силой, чтобы раздавить. Вскоре закрылся последний просвет, и они оказались в полной темноте.

– Фрэнк, – спросил Джим, – теперь-то можно шевелиться?

– Нет! Пусть наружные листья тоже станут на место.

Джим еще долго просидел неподвижно, он знал, что прошло немало времени, потому что досчитал в уме до тысячи и уже приступил ко второй, когда у него в ногах закопошился Виллис.

– Джим, Фрэнк, хорошо, тепло?

– Да, Виллис, – согласился Джим. – Ну как, Фрэнк?

– Пожалуй, можно расслабиться. – Фрэнк опустил руки.

Лист, служивший потолком, тут же полез вниз и задел Фрэнка по голове. Тот инстинктивно отмахнулся, и лист вернулся на место.

– Здесь уже душно, – сказал Джим.

– Не думай об этом. Расслабься. Дыши неглубоко. Не разговаривай, не двигайся, так меньше потребляешь кислорода.

– Какая разница, задохнемся мы через десять минут или через час? Это было безумие, Фрэнк. Как ни крути, до утра нам не дотянуть.

– Почему? Я читал, как в Индии люди давали хоронить себя заживо, а когда их откапывали спустя несколько дней или даже недель, они еще были живы. Они назывались «факиры».

– Правильнее сказать: «фейкеры»,²⁸ я в это не верю.

– Говорю тебе, я читал об этом в книге.

– Что ж, по-твоему, все, что пишут в книгах, правда?

– Хорошо бы это было правдой, – поколебавшись, ответил Фрэнк, – потому что это наш единственный шанс. А теперь, может, заткнешься? Если будешь трепаться, то изведешь весь воздух, который еще есть, и мы все помрем из-за тебя.

Джим замолчал, и слышно было только, как дышит Фрэнк. Джим наклонился и потрогал Виллиса: попрыгунчик втянул все свои отростки, превратившись в гладкий шар. По-видимому, он спал. Вскоре дыхание Фрэнка перешло в скрипучий храп.

Джим попытался заснуть, но не смог. Непроглядная тьма и спертый воздух навалились на него тяжким грузом. Он снова пожалел о своих часах, ставших жертвой деловой сметки Смайта. Если бы знать, который час и сколько еще до рассвета, тогда бы он, пожалуй, выдержал.

Он был убежден, что ночь уже прошла или на исходе, и стал ждать рассвета, когда гигантское растение раскроется. Часа два (по внутренним ощущениям) он ожидал, что это вот-вот произойдет. Потом ожидание сменила паника. Он знал, что зима совсем близко, и знал, что пустынная капуста на зиму засыпает – закрывается до весны, и все. Очевидно, им с Фрэнком здорово не повезло: они нашли приют в капусте в ту самую ночь, когда она впала в зимнюю спячку.

Пройдет двенадцать долгих месяцев, больше трехсот дней, и капуста раскроется навстречу весеннему солнцу, освободив их мертвые тела. Джим был уверен в этом.

Потом он вспомнил про фонарик, который прихватил на первой станции Проекта. Эта мысль немного приободрила Джима, и на миг он забыл свои страхи. Он наклонился, извернулся и попробовал достать сумку, все еще висевшую за спиной.

Листья у него над головой тут же опустились. Он стукнул по ним, и они отпрянули. Джиму удалось нащупать фонарик, он вытащил его и включил. Замкнутое пространство ярко осветилось. Фрэнк перестал храпеть, моргнул и сказал:

– Что это?

– Да вот вспомнил про фонарик. Хорошо, что я его взял, правда?

– Ты лучше выключи его и спи.

– Он кислорода не поглощает, а мне с ним легче.

– Может, и так, зато ты, когда не спишь, потребляешь больше кислорода.

– Наверное. – Тут Джим вспомнил, что мучило его до того, как он зажег свет. – Только это уже не имеет значения. – И он рассказал Фрэнку о своем открытии: больше они отсюда не выйдут.

– Чепуха! – сказал Фрэнк.

– Ничего не чепуха. Почему ж она тогда не раскрылась на рассвете?

– Потому что, – сказал Фрэнк, – мы здесь не больше часа.

– Что? С чего ты взял?

– С того. Теперь заткнись и не мешай мне спать. А свет лучше выключи. – И Фрэнк снова опустил голову на колени.

Джим заткнулся, но свет не выключил – свет успокаивал его. Кроме того, ближайшие листья, которые все время надоедливо лезли им на голову, теперь раздались в стороны и плотно прилипли к стенке, образованной слоями наружных листьев. Подчиняясь бездумному рефлексу, который управлял движениями растения, листья старались подставить как можно больше поверхности свету фонарика.

Джим не анализировал это явление. Его понятия о фотосинтезе и гелиотропизме были очень поверхностными. Он просто видел, что при свете пространство увеличилось и не при-

²⁸ Fakers (англ.) – мошенники.

ходится все время воевать с листьями. Он приткнул фонарик к Виллису, который даже не шевельнулся, и попытался расслабиться.

При свете казалось, что внутри не так душно и давление как будто повысилось. Джим подумал, не снять ли маску, но решил не делать этого и сам не заметил, как уснул.

Он спал, и ему приснилось, что все это сон. Ночлег в пустынной капусте был всего лишь фантастическим, невозможным видением, а школа и директор Хоу – кошмаром, на самом деле он был дома и спал в своей кровати с Виллисом под боком. Завтра они с Фрэнком поедут в школу в Малый Сырт.

Это был просто кошмарный сон, вызванный опасениями, что у него отберут Виллиса. Они собрались отнять у него Виллиса! Не бывать этому! Джим его не отдаст!

Сон переменялся: Джим снова восставал против директора Хоу, спасал Виллиса и убегал и снова они были заперты в пустынной капусте. Джим с горечью сознавал во сне, что конец всегда будет таким. Это реальность: они заперты, пойманы в сердцевину гигантского, закрывшегося на зиму сорняка, задохнутся и умрут там. Он задыхался и что-то бормотал, пытаясь проснуться, а затем погружался в другие, менее мучительные сны.

Глава 7

Погоня

Крохотный Фобос, внутренний спутник Марса, вышел из его тени и с головокружительной скоростью пролетел с запада на восток, навстречу восходящему солнцу. Неспешное вращение Красной планеты, делавшей оборот за двадцать четыре с половиной часа, подставило лучам солнца восточный Стримон. Затем, осветив полосу пустыни между рукавами канала, лучи достигли западного Стримона и коснулись огромного шара, торчащего на его восточном берегу, – пустынной капусты, закрывшейся на ночь от холода.

Растение шевельнулось и раскрылось. Сторона, обращенная к солнцу, распласталась по земле, а вторая половина развернулась, как павлиний хвост, ловя почти горизонтальные лучи. При этом из сердцевины растения что-то вывалилось на плоские листья – два человеческих тела, скрюченные и застывшие, одетые в ярко раскрашенные эластичные костюмы, с гротескными шлемами на голове.

Вместе с ними вывалился маленький мячик, прокатился пару ярдов по толстым зеленым листьям и остановился. Вверху показались глазки, внизу – ножки, шарик поковылял к распростертым телам и потерялся об одно из них. Подождал, потерялся снова, отскочил и тоненько заскулил, выражая свое безутешное горе и невосполнимую потерю.

Джим открыл один глаз, налитый кровью.

– Прекрати, к черту, этот шум! – раздраженно сказал он.

Виллис завопил:

– Джим, мой мальчик!

Вскочил ему на живот и начал там прыгать в полном экстазе.

Джим спихнул его и зажал под мышкой:

– Уймись. Как ты себя ведешь? Ой!

– Ты чего, Джим?

– Рука затекла. У-уй! – Пытаясь пошевелиться, Джим понял, что у него вдобавок затекли и ноги, и спина, и шея.

– Что с тобой? – спросил Фрэнк.

– Застыл, как доска. Придется коньки на руки надевать. Слушай...

– Чего «слушай»?

– Может, коньки и не понадобятся. Интересно, ручьи уже бегут?

– Что ты такое несешь? – Фрэнк медленно, осторожно сел.

– Ну ручьи, весенние. Нам как-то удалось протянуть зиму, не знаю почему. И теперь вокруг...

– Не будь глупее, чем ты есть. Посмотри, в какой стороне восходит солнце.

Джим посмотрел. Марсианскому колонисту положение солнца на небе говорит гораздо больше, чем любому землянину, за исключением разве что эскимоса.

– А-а-а... – только и сказал он, – это, наверное, был сон, – добавил он, подумав.

– То ли сон, то ли мозги у тебя свихнулись набекрень больше обычного. Надо двигаться. –

И Фрэнк со стоном поднялся на ноги.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как собственный дедушка.

– Я про горло спрашиваю.

– Да нормально. – И Фрэнк тут же закашлялся, но усилием воли остановил приступ: кашлять в респиратор – не самая умная идея, а чихать и того хуже.

– Позавтракать не хочешь?

– Нет, не хочу пока, – ответил Фрэнк. – Давай сначала поищем станцию, тогда и поедем как люди.

– Давай.

Джим упаковал Виллиса обратно в сумку и, поэкспериментировав, убедился, что способен стоять и ходить без посторонней помощи. Заметив фонарик, он сунул его к Виллису и пошел за Фрэнком на берег. Растительность начинала вылезать из земли и все больше мешала ходьбе. Зелень еще не отошла от ночного холода и неохотно уступала дорогу. Они вышли на берег.

– Спуск должен быть ярдов на сто вправо, – определил Фрэнк. – Точно, я его вижу. Пошли.

Джим схватил его за руку и оттащил назад.

– Ты что, обалдел? – спросил Фрэнк.

– Смотри на канал, на севере!

– Чего там? Ох!

К ним приближался скутер, но не с обычной скоростью двести пятьдесят миль в час, он еле полз. Наверху, на куполе, сидели два человека.

Фрэнк быстро отпрянул назад:

– Молодец, Джим. Я чуть было не вылез прямо на них. Пусть проедут.

– Виллис тоже молодец, – самодовольно заметил Виллис.

– Проедут, как же! – ответил Джим. – Ты что, не видишь, что они делают?

– Что?

– Идут по нашим следам, вот что!

Фрэнк удивился, но спорить не стал. Он осторожно выглянул из укрытия.

– Осторожно! – одернул Джим. – У него бинокль.

Фрэнк нырнул обратно, он видел достаточно: скутер остановился примерно в том месте, где и они вчера вечером. Один из тех, что сидел наверху, через обзорный купол жестами разговаривал с водителем, показывая на пандус.

Следы коньков никогда не исчезают со льда канала. Полуденные оттепели время от времени очищали его поверхность, но теперь ее держала мертвая хватка зимних морозов. К тому же было маловероятно, чтобы в любое время года на этом участке льда, вдали от всех поселений, катался кто-либо, кроме двух мальчишек-беглецов. Следы скутеров, конечно, тоже отпечатывались на льду, но Джим и Фрэнк, как все конькобежцы, избегали их, предпочитая гладкий лед. Теперь их след, как по нитке, мог привести любого от станции Киния к пандусу, возле которого они стояли.

– Залезем обратно в кусты, – прошептал Джим, – и спрячемся, пока они не уйдут. В этих зарослях им нас никогда не найти.

– А вдруг не уйдут? Хочешь провести еще одну ночь в капусте?

– Когда-нибудь им ведь придется уйти.

– Да, но это будет не скоро. Они знают, что мы поднялись на берег в том месте, значит останутся и будут искать, мы столько не выдержим. Им легче, у них есть укрытие.

– Что же тогда делать?

– Пойдем на юг по берегу пешком, хотя бы до следующего пандуса.

– Тогда пошли, а то они вот-вот поднимутся.

С Фрэнком во главе они рысцой двинулись на юг. Растения вдоль берега теперь поднялись достаточно высоко, чтобы можно было пройти под ними. Фрэнк держался футях в тридцати от обрыва. Сумрак под листвой и стебли растений укрывали их от наблюдателей.

Джим был начеку, высматривая змеечервей и водоискалок, и велел Виллису делать то же самое. Они шли с хорошей скоростью. Через несколько минут Фрэнк остановился, знаком

призвал к молчанию, и они прислушались. Джим слышал только хриплое дыхание Фрэнка; если погоня и следовала за ними, то отстала.

Они отошли уже мили на две к югу от пандуса, и Фрэнк внезапно остановился. Джим налетел на него, и оба чуть не скатились в то, что послужило причиной остановки, – в поперечный канал. Он шел с востока на запад и был притоком главного канала. Между Кинией и Хараксом таких было несколько. Одни соединяли восточный рукав Стримона с западным, другие просто отводили воду в местные водоемы на пустынном плато.

Джим заглянул в глубокий и узкий проем:

– Надо же, чуть не свалились!

Фрэнк не ответил. Он упал на колени, опустил на землю и схватился за голову: на него напал кашель. Потом приступ прекратился, но плечи Фрэнка продолжали вздрагивать, будто он беззвучно рыдал. Джим положил руку ему на плечо:

– Худо тебе, парень?

Фрэнк не ответил.

– Бедный мальчик Фрэнк! – сказал Виллис и поцокал, как будто языком.

Джим в раздумье снова перевел взгляд на канал. Вскоре Фрэнк поднял голову и сказал:

– Я ничего. Это просто минутное, из-за канала. Снова задержка из-за него. Я так устал.

– Слушай, Фрэнк, – сказал Джим, – у меня новый план. Я пойду вдоль этой канавы на восток, пока не найду, где можно спуститься. А ты пойдешь назад и сдашься...

– Нет!

– Дай договорить! Это имеет смысл. Ты слишком болен, чтобы идти дальше. Если ты останешься здесь, то умрешь, признай это. Кто-то должен рассказать обо всем нашим, и это буду я. Ты идешь к скутеру, сдаешься и врешь им, что я, мол, пошел туда-то и туда-то – в другую сторону, конечно. Если совершишь убедительно, это может сбить их со следа, и весь день они будут гоняться за собственным хвостом, а у меня будет передышка. Ты тем временем полежишь в скутере, в тепле и безопасности, а вечером тебя поместят в школьный лазарет. Это только разумно, правда?

– Нет.

– Почему «нет»? Ты просто упрямисься.

– Нет, – повторил Фрэнк, – ничего не выйдет. Во-первых, я не дамся им в руки, лучше умру здесь...

– Дурак!

– Сам дурак. Во-вторых, передышка в один день ничего тебе не даст. Когда они убедятся, что там, где я сказал, тебя нет, они вернутся, прочешут канал на скутере и завтра же тебя поймают.

– Но... Что же ты предлагаешь?

– Не знаю, но твой план не годится. – Фрэнк снова зашелся кашлем.

Несколько минут оба молчали, потом Джим спросил:

– Какой у них скутер?

– Обычный грузовой, «Хадсон-шестьсот» по-моему. А что?

– Смогут они развернуться здесь?

Фрэнк посмотрел вниз, на поперечный канал: его стены покато сходились к дну, а уровень воды в нем был таким низким, что ширина льда не достигала и двадцати футов.

– Не смогут, – ответил он.

– Значит, не будут обыскивать приток на скутере – по крайней мере, на этом скутере.

– Я понял, – перебил Фрэнк. – Ты хочешь выйти на восточный Стримон и по нему добираться домой. Но откуда ты знаешь, выводит к нему эта канава или нет? Ты так хорошо помнишь карту?

– Нет, не помню. Но вероятность большая. А если нет, одну часть пути мы пробежим, а другую часть пройдем пешком, вот и все.

– Когда мы выйдем на восточный рукав, нам все равно останется миль пятьсот до Харакса. На этом рукаве хотя бы станции есть, просто мы вчера одну пропустили.

– На восточном рукаве так же могут быть станции, как и на западном, – возразил Джим. – Весной работы по Проекту начнутся и здесь и там. Я знаю, отец без конца говорит об этом. А по этому рукаву дальше идти просто нельзя, нас здесь ищут. Так чего зря языком молоть? Вопрос только в том, сможешь ты бежать на коньках? Если нет, я все-таки за то, чтобы ты сдался.

– Смогу, – мрачно сказал Фрэнк и встал. – Идем.

Они смело вышли на каменную кромку канала и убедились, что их преследователи все еще обыскивают окрестности того места, где оборвался след. Пройдя три или четыре мили на восток, они обнаружили спуск на лед.

– Попытаем счастья? – спросил Джим.

– Конечно. Даже если они пошлют вдогонку человека на коньках, не думаю, чтобы он добрался до этого места, – следов-то нет. Я устал идти пешком.

Они сошли вниз, надели коньки и покатали вперед. Ходьба излечила почти все последствия сна в неудобном положении, хорошо было снова оказаться на льду. Джим подстраивался под Фрэнка, а тот, несмотря на болезнь, бежал ровно, оставляя позади милю за милей.

Они проехали около сорока миль, и берега стали гораздо ниже. У Джима при виде этого екнуло сердце, – должно быть, канал не доведет их до восточного рукава, это всего лишь сток, ведущий к какой-то низине в пустыне. Свои подозрения он оставил при себе, но еще через час падать друга больше не было смысла, истина стала очевидной. Берега стали такими низкими, что можно было видеть, что наверху, а лед впереди больше не сливался с голубым небом, а обрывался невдалеке.

Они дошли до этого места – там было замерзшее болото. Берега исчезли, во все стороны простирался неровный лед, обрамленный вдали зеленью. Кое-где из-под льда торчали пучки травы, прихваченной морозом.

Друзья продолжали двигаться на восток, скользили на коньках, где было можно, проходили пешком через островки суши. Наконец Фрэнк сказал:

– Конечная! Все выходят! – и сел снять коньки.

– Прости, Фрэнк.

– За что? Дальше пойдем пешком. Наверное, не так уж много осталось.

Они прошли зеленый пояс, двигаясь достаточно скоро для того, чтобы растения успевали дать им дорогу. Растительность, окружавшая болото, была ниже, чем у канала, – по плечо мальчикам, и листья были меньше. Пройдя пару миль, Джим и Фрэнк оказались в песках.

По рыхлым холмам красного оксида железа идти было тяжело, а дюны, на которые надо было либо взбираться, либо обходить их, еще больше затрудняли дорогу. Джим предпочитал взбираться на холм, даже когда Фрэнк обходил препятствие, и смотрел, не покажется ли на горизонте темно-зеленая линия, указывающая на близость восточного Стримона. Но она не показывалась.

Виллис настоял, чтобы его спустили вниз, и первым делом искупался в чистом песке, а потом стал рыскать впереди, разведывая дорогу и распугивая жуков-вертунов. Джим только что влез на дюну и спускался с нее, и тут он услышал отчаянный вопль Виллиса. Он оглянулся.

Фрэнк только приближался к концу дюны, Виллис был с ним, то есть, конечно же, Виллис ускакал вперед. Теперь попрыгунчик замер на месте, а Фрэнк ничего не замечал, он тащился, волоча ноги и опустив голову.

Прямо перед ними изготовилась к нападению водоискалка.

Дистанция была длинной даже для опытного снайпера. Вся сцена стала казаться Джиму какой-то нереальной. У него было впечатление, что теперь Фрэнк застыл на месте, а водоис-

калка медленно движется к своим жертвам. А у него самого была целая бездна времени, чтобы вынуть пистолет, тщательно прицелиться и выстрелить.

Выстрел сжег обе передние лапы твари, но она продолжала двигаться.

Джим снова прицелился и нажал на спуск. Луч, направленный точно в середину туловища, разрезал зверя пополам, словно циркулярная пила, но он продолжал двигаться, пока обе половины не распались и не упали на песок, извиваясь. Огромный кривой коготь левой лапы остановился в нескольких дюймах от Виллиса.

Джим бегом спустился с дюны. Фрэнк, который больше не казался ему статуей, действительно стоял на месте и смотрел, хлопая глазами, на то, что мгновение назад чуть не стало для него внезапной и кровавой смертью. Когда Джим подошел, он оглянулся.

– Спасибо, – сказал Фрэнк.

Джим, не ответив, пнул дергающуюся лапу зверя.

– Дрянная такая, – с силой сказал он. – Ух, до чего я их ненавижу. Всех бы спалил, сколько их есть на Марсе, всех до единой. – Он осмотрел туловище, нашел яичник и тщательно выжег его.

Виллис не шевелился и тихо плакал. Джим подошел, взял его и положил в сумку.

– Давай будем держаться вместе, – сказал он. – Если не хочешь лазить на дюны, мы их будем обходить.

– Ладно.

* * *

– Фрэнк!

– Да? Что, Джим? – безжизненным голосом спросил Фрэнк.

– Что ты видишь впереди?

– Впереди? – Фрэнк мужественно попытался сфокусировать взгляд – перед глазами стоял туман. – Да это же канал, то есть зеленый пояс. Кажется, мы дошли.

– А еще что? Башню видишь?

– Что? Где? Да, вроде вижу. Точно башня.

– Ради всего святого, Фрэнк! Ты понимаешь, что это значит? Марсиане!

– Да, наверное.

– Ну так приободришься малость!

– С чего это?

– Марсиане возьмут нас к себе, парень! Они хорошие ребята. И ты сможешь отдохнуть в тепле, прежде чем идти дальше.

Фрэнк немного оживился, но ничего не сказал.

– Может, они и Гекко знают, – продолжал Джим. – Вот будет здорово.

– Все может быть.

Им пришлось тащиться еще около часа, пока они не добрались до маленького марсианского городка. Он был такой маленький, что мог похвалиться всего одной башней, но в глазах Джима он был прекраснее Большого Сырта. Пройдя немного вдоль стены, они нашли ворота.

Они пробыли внутри несколько минут, и радужные надежды Джима полностью рассеялись. Еще до того, как он увидел заросший сорняками городской сад, пустые аллеи и безмолвные дворики открыли ему печальную правду: городок был покинут.

Марс когда-то, очевидно, был гораздо гуще населен аборигенами, чем сейчас. Здесь встречаются города-призраки, и даже в крупных населенных центрах, таких как Харакс, Большой и Малый Сырт, Геспериды, есть заброшенные кварталы, по которым иногда водят туристы с Земли. А этот городок, скорее всего, никогда не имевший большого значения, опустел, должно быть, еще до того, как Ной заложил киль своего корабля.

Джим вышел на центральную площадь и остановился, говорить ему не хотелось. Фрэнк подошел к нему и уселся на металлическую плиту. На ее отполированной поверхности сияли письма, – чтобы прочесть их, не один земной ученый отдал бы правую руку.

– Ладно, – сказал Джим, – отдохни немного, а потом, наверное, надо будет поискать спуск на канал.

– Без меня, – тусклым голосом сказал Фрэнк. – Я больше не могу идти.

– Не говори так.

– Я говорю как есть, Джим.

– Вот что, – забеспокоился Джим, – пойду-ка я пошарю тут кругом. Эти города под землей – как соты. Я найду, где нам укрыться на ночь.

– Как хочешь.

– Ты сиди, не уходи никуда. – Джим повернулся, чтобы идти, а затем внезапно осознал, что Виллиса нет рядом. Тут он вспомнил, что тот выпрыгнул из сумки, когда они входили в город. – Виллис! Куда он делся?

– Откуда я знаю?

– Надо его найти. Виллис! Эй, Виллис! Иди сюда, парень!

Джиму отвечало только эхо со всех сторон мертвой площади.

– Эгей, Джим!

Вот это, без сомнения, откликнулся Виллис – он был где-то поблизости. Вскоре он появился, и не один: его нес марсианин.

* * *

Марсианин подошел, выставил третью ногу, наклонился и что-то ласково прогудел Джиму.

– Что он говорит, Фрэнк?

– Да не знаю я. Скажи ему, пусть убирается.

Марсианин снова заговорил. Джим отказался от попытки использовать Фрэнка в качестве переводчика и постарался вникнуть в смысл. Он уловил символ вопроса в инверсной позиции: его то ли приглашали куда-то, то ли что-то предлагали. После этого шел оператор движения, но корень был Джиму неизвестен. Джим ответил вопросительным символом, надеясь, что марсианин повторит свои слова. Вместо него ответил Виллис.

– Пошли, Джим, – хорошее место!

«Почему бы и нет?» – подумал Джим и ответил:

– Хорошо, Виллис.

Марсианину он ответил символом общего согласия и чуть не надорвал глотку, воспроизводя тройной гуттуральный звук, совершенно нечеловеческий. Марсианин повторил его в обратном порядке, втянул ближнюю к ним ногу и зашагал прочь, не оглядываясь. Пройдя ярдов двадцать пять, он заметил, что за ним никто не последовал, быстро вернулся и произнес общий вопросительный символ, обозначающий «что случилось?».

– Виллис, – поспешно сказал Джим, – я хочу, чтобы он нес Фрэнка.

– Нести мальчик Фрэнк?

– Да, как нес его Гекко.

– Гекко нет. Это К'бумч.

– К'бумк его звать?

– Нет, К'бумч, – поправил Виллис.

– Так вот, я хочу, чтобы К'бумч нес Фрэнка, как нес его Гекко.

Виллис с марсианином помычали и покаркали, потом Виллис сказал:

– К'бумч хочет знать: Джим знает Гекко?

- Скажи ему: мы друзья, водные друзья.
- Виллис уже сказал.
- Так как насчет Фрэнка?

Выяснилось, что Виллис сказал их новому знакомому и об этом. К'бумч взял Фрэнка в свои ладони и поднял. Фрэнк открыл глаза и снова закрыл, – казалось, ему было безразлично, что с ним делают.

Джим побежал за марсианином, прихватив коньки Фрэнка, которые тот бросил на металлической плите. Марсианин привел их в большое здание, которое внутри выглядело еще больше, чем снаружи, потому что было освещено яркими огнями, горящими на стенах. Не задерживаясь там, марсианин сразу прошел под арку в дальней стене – оттуда начинался туннель, ведущий вниз.

Марсиане, должно быть, так и не изобрели ступенек – скорее всего, просто не нуждались в них. Слабое притяжение Марса, составляющее всего тридцать восемь процентов земного, позволяет использовать пандусы, которые на Земле показались бы опасно крутыми. Марсианин вел Джима длинной чередой таких крутых пандусов, спускаясь все ниже и ниже.

Джим вскоре обнаружил, как раньше под Кинией, что давление стало выше, и сдвинул маску с чувством глубокого облегчения: он не снимал ее больше суток. Давление возросло внезапно, поэтому Джим рассудил, что дело тут не в спуске вниз, и не настолько уж глубоко они спустились, чтобы давление могло так измениться.

Джим гадал о том, как это было сделано. Он решил, что земные воздушные шлюзы не идут ни в какое сравнение с этим фокусом.

Наконец спуск закончился, и они вошли в большую куполообразную комнату, равномерно освещенную светом, идущим с потолка. Стены состояли из сплошных арок. К'бумч остановился и снова задал Джиму какой-то вопрос, в котором упоминалось имя Гекко. Джим порылся в памяти и старательно составил такую фразу:

- Мы с Гекко разделили воду. Мы друзья.

Марсианин, кажется, остался доволен. Он провел их в одну из боковых комнат и осторожно положил Фрэнка на пол. За ними бесшумно задвинулась дверь. Для марсиан комнатка была совсем маленькая, и в ней было несколько «наместов» для сидения. К'бумч пристроил свою нескладную фигуру на один из них.

Джим вдруг почувствовал, что тяжелеет, и неожиданно для себя уселся на пол. К ощущению добавилось легкое головокружение, и Джим остался сидеть.

- Как ты, Фрэнк? – спросил он.

Фрэнк что-то пробормотал. Дышал он тяжело и хрипло. Джим снял с него маску и потрогал лицо: оно было горячим. Больше пока он ничего не мог сделать для Фрэнка. Чувство тяжести не оставляло Джима. Марсианин, похоже, был не расположен к разговору, да Джима и не тянуло разговаривать на его языке. Виллис свернулся в шар. Джим лег рядом с Фрэнком, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать.

Потом он ощутил на миг, что стал легким, почти до головокружения, снова отяжелел и не мог понять, что это с ним творится. Он полежал еще несколько минут, потом К'бумч наклонился над ним и что-то сказал. Джим сел, и оказалось, что с ним снова все в порядке. К'бумч поднял Фрэнка, и они вышли из комнаты.

В большом зале с куполом ничего не изменилось, только теперь там собралось много марсиан, больше тридцати. Когда К'бумч с ношей на руках, а за ним и Джим вышли из дверной арки, один из марсиан отделился от остальных и подошел к ним. Для марсианина он был невелик ростом.

- Джиммарло, – сказал он, употребив символ звательного падежа.
- Гекко! – завопили в два голоса Джим и Виллис.

Гекко склонился над ним.

– Друг мой, – мягко прогудел он. – Мой маленький, изувеченный друг.

Он взял Джима на руки и понес куда-то, а другие марсиане уступали ему дорогу.

Гекко быстро шел по каким-то туннелям. Оглянувшись, Джим увидел, что К'бумч и вся прочая компания следуют за ними по пятам, и покорился обстоятельствам. Гекко вошел в комнату средних размеров и опустил Джима на пол, а рядом с ним положили Фрэнка. Фрэнк заморгал и спросил:

– Где это мы?

Джим посмотрел по сторонам. В комнате было несколько «насестов» для сидения, составленных в круг. Куполообразный потолок изображал небо. По одной стене протекал канал, прямо как настоящий. На других участках изогнутой стены виднелись силуэты марсианского города, перья его башен парили в воздухе. Джим узнал эти башни, узнал город; он узнал эту комнату. Это была та самая комната, в которой он «сближался» с Гекко и его друзьями.

– Провалиться мне на месте, Фрэнк, мы опять в Кинии.

– Как? – Фрэнк сел, обвел глазами комнату, снова лег и крепко зажмурил глаза.

Джим не знал, смеяться ему или плакать. Столько усилий! Побег, стремление добраться до дому, благородный отказ Фрэнка сдаться преследователям, несмотря на болезнь и усталость, ночь в пустынной капусте – и вот вам, пожалуйста: они снова в трех милях от станции Киния.

Глава 8

Иной мир

Джим обустроил их приют – или, точнее, медицинскую палату – в самой маленькой комнате, которую смог подобрать ему Гекко. Сразу после прибытия состоялось «сближение», после которого Джим, как и в прошлый раз, обнаружил, что его владение местным языком улучшилось. Он дал Гекко понять, что Фрэнк болен и нуждается в уходе.

Гекко предложил взять заботу о Фрэнке на себя, но Джим отказался. Марсианская терапия то ли излечит Фрэнка, то ли убьет. Вместо этого Джим попросил побольше питьевой воды – это было его правом, ведь он был «водный друг», почти что названный брат, а еще попросил цветной марсианский шелк, который предлагали им раньше вместо рамок. Из этого шелка Джим сделал мягкую постель для Фрэнка, а рядом гнездышко для себя и Виллиса. Он уложил Фрэнка, приподнял его, чтобы напоить как следует, и стал ждать, когда другу полегчает.

В комнате было достаточно тепло. Джим снял скафандр, потянулся и почесался. Потом освободил от скафандра Фрэнка и прикрыл его огненно-красным шелком. Порылся у Фрэнка в сумке и посмотрел, что там есть из еды. До сих пор он был слишком занят и слишком устал, чтобы беспокоиться о желудке, теперь от одного вида этикеток у него потекли слюнки. Он выбрал банку с синтетическим витаминизированным апельсиновым соком и искусственное куриное филе. Последнее происходило из дрожжевого резервуара в Северной колонии, но Джим привык к дрожжевым протеинам, и вкус филе был для него не менее соблазнителен, чем вкус настоящего белого куриного мяса. Насвистывая, он вынул нож и приступил к делу.

Виллис куда-то смылся, но Джим по нему не скучал, он почему-то не беспокоился о Виллисе, пока они были в марсианском городе: здешняя атмосфера дышала миром и безопасностью. Даже о своем пациенте Джим почти не думал, пока не закончил есть и не вытер рот.

Фрэнк все еще спал, но дышал хрипло, и его лицо пылало. Хотя в комнате было тепло и давление почти равнялось нормальному, воздух был по-марсиански сух. Джим достал из сумки носовой платок, намочил его и прикрыл Фрэнку лицо. Время от времени он смачивал платок снова. Потом достал еще платок, тоже намочил и обмотал им лицо.

Пришел Гекко в сопровождении Виллиса.

– Джиммарло, – сказал он и сел.

– Гекко, – ответил Джим, смачивая платок Фрэнку.

Марсианин так долго молчал, что Джим подумал, не ушел ли он в «иной мир», но, когда Джим взглянул на него, оказалось, что глаза Гекко следят за ним с живейшим интересом.

Некоторое время спустя Гекко спросил, что это Джим делает и зачем.

Джим попытался объяснить, что его племя, кроме воздуха, должно дышать еще и водой, но его марсианский словарь, несмотря на «сближение», был недостаточно богат. Он сдался, и снова наступило долгое молчание. Потом Гекко ушел, а за ним и Виллис.

Вскоре Джим заметил, что его повязка и платок Фрэнка сохнут не так быстро, как раньше, потом они вообще перестали просыхать. Он снял повязку – в ней было неудобно – и решил, что Фрэнк тоже вполне может обойтись без мокрого платка.

Вернулся Гекко. После десятиминутной паузы он заговорил, проявив почти безумную для марсианина спешку. Он хотел узнать, достаточно ли теперь воды в воздухе? Джим заверил его, что достаточно, и поблагодарил. Помолчав еще минут двадцать, марсианин снова ушел. Джим решил лечь спать. День был длинный и тяжелый, а прошлая ночь не очень-то способствовала отдыху. Джим поискал взглядом выключатель, но так и не нашел. Он махнул рукой, натянул разноцветное покрывало до подбородка и уснул.

Где-то посреди его сна вернулся Виллис. Джим узнал об этом, когда малыш прижался к его спине. Сквозь сон Джим протянул руку и погладил его, а потом снова заснул.

* * *

– Эй, Джим, проснись.

Джим приоткрыл глаза и снова закрыл:

– Уйди.

– Да очнись ты. Я уже два часа не сплю, а ты все храпишь. Мне надо узнать у тебя кое-что.

– Что ты хочешь узнать? Да, как ты себя чувствуешь?

– Я? Прекрасно, – сказал Фрэнк. – А почему ты спрашиваешь? Мы где?

Джим посмотрел на Фрэнка. Лихорадочный румянец пропал, и голос звучал нормально, без хрипоты.

– Ты вчера был здорово болен, – пояснил Джим, – и, по-моему, не в себе.

Фрэнк наморщил лоб:

– Может быть. Паршивые сны мне снились, это точно. Один был прямо ненормальный – про пустынную капусту...

– Это был не сон.

– Что?

– Я говорю, что пустынная капуста – это не сон и все остальное тоже. Ты знаешь, где мы?

– Нет, потому и спрашиваю.

– Мы в Кинии, вот мы где. Мы...

– В Кинии?!

Джим попытался кратко изложить Фрэнку события последних двух дней. Он споткнулся только на описании того, как они внезапно из самого дальнего канала переместились обратно в Кинию, – потому что и сам этого не понимал.

– Наверное, это что-то вроде подземки, идущей параллельно каналу. Ну подземка – ты ведь читал про нее.

– Марсиане такой техникой не пользуются.

– Марсиане построили каналы.

– Да, но это было давным-давно.

– Может, они и подземку построили давным-давно. Откуда ты знаешь?

– Ну построили так построили. Не важно. Я есть хочу. Осталось у нас что-нибудь?

– Конечно.

Джим поднялся. При этом он разбудил Виллиса, который выдвинул свои глазки, оценил ситуацию и поприветствовал их. Джим поднял его, почесал ему макушку и спросил:

– Во сколько же ты заявился, бродяга? – А потом вдруг добавил: – Эй!

– Что «эй»? – спросил Фрэнк.

– Ну, посмотри на это! – Джим показал на грудку скомканного шелка.

Фрэнк встал и присоединился к нему:

– На что смотреть? О...

В ямке, где отдыхал Виллис, лежала дюжина маленьких белых сфероидов, похожих на мячики для гольфа.

– Как ты думаешь, что это? – спросил Джим.

Фрэнк внимательно их изучил.

– Джим, – медленно произнес он, – я думаю, что тебе придется с этим смириться. Виллис не мальчик, он – она.

– Что? О нет!

– Виллис – хороший мальчик, – упрямым голосом сказал Виллис.

– Сам посуди, – продолжал говорить Фрэнк. – Вот это – яйца. Если их отложил не Виллис, тогда это сделал ты.

Джим с недоумением смотрел на яйца, затем повернулся к Виллису:

– Виллис, ты отложил эти яйца? Это ты сделал?

– Яйца? – переспросил Виллис. – Что сказал мальчик Джим?

Джим посадил его рядом с гнездом и ткнул пальцем:

– Ты их отложил?

Виллис посмотрел на яйца, потом, фигурально выражаясь, пожал плечами, дал понять, что умывает руки, и поковылял прочь. Его манеры, казалось, говорили, что, если Джиму хочется поднимать шум по поводу нескольких яиц или чего-то еще, что можно случайно обнаружить в постели, ну, в общем, это личное дело Джима, Виллис не желает в этом участвовать.

– Ты от него ничего не добьешься, – прокомментировал Фрэнк. – Я надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты стал дедушкой, или типа того.

– Не смешно!

– Ладно, забудь про яйца. Когда мы будем есть? Я умираю от голода.

Джим бросил на яйца осуждающий взгляд и занялся продовольствием. Когда они завтракали, вошел Гекко. Они обменялись серьезными приветствиями, после чего марсианин, похоже, начал устраиваться для очередного длительного периода молчаливого общения – и тут он заметил яйца.

Ни один из мальчиков никогда прежде не видел ни спешащего марсианина, ни марсианина, проявляющего признаки волнения. Гекко испустил утробный звук и тут же вышел из комнаты. Он вскоре вернулся в сопровождении целой толпы марсиан, так что они едва смогли набиться в комнату. Все они говорили одновременно и не обращали внимания на мальчиков.

– Что там творится? – спросил Фрэнк, поскольку его оттеснили к стене и он ничего не видел сквозь чащу ног.

– Да черт его знает.

Через некоторое время они немного успокоились. Один из больших марсиан с преувеличенной осторожностью собрал яйца, прижимая их к груди. Другой подобрал Виллиса, и они всей толпой покинули комнату.

Джим нерешительно переминался в дверях и смотрел, как они исчезают.

– Я хотел бы найти Гекко и расспросить его об этом, – сказал он.

– Ерунда, – сказал Фрэнк. – Давай лучше закончим завтрак.

– Ну... ладно.

Покончив наконец с едой, Фрэнк перешел к основному вопросу:

– Ладно, значит, мы в Кинии, а нам надо домой, и побыстрее. Вопрос в том, как туда попасть? Насколько я понимаю, раз марсиане так быстро сумели доставить нас сюда, они могут доставить нас и обратно, а там мы двинем домой по восточному Стримону. Как тебе идея?

– По-моему, годится, – ответил Джим, – только...

– Тогда первым делом надо найти Гекко и договориться. Чего тянуть?

– Первым делом, – возразил Джим, – надо найти Виллиса.

– Зачем? Мало тебе было с ним хлопот? Оставь ты его, он здесь счастлив.

– Фрэнк, ты совершенно неправильно относишься к Виллису. Разве не он вытащил нас из беды? Если бы не Виллис, ты бы сейчас выкашливал легкие в пустыне.

– Вообще-то, если бы не Виллис, мы бы в эту беду не попали.

– Ну, это просто нечестно. По правде говоря...

– Ладно-ладно. Иди ищи своего Виллиса.

* * *

Джим оставил Фрэнка прибираться после завтрака и отправился на поиски Гекко. Впоследствии он так и не смог связно рассказать о том, что случилось после, хотя некоторые

моменты помнил совершенно точно. Поиски Гекко он начал с того, что спросил о нем первого же попавшегося ему в коридоре марсианина самым варварским образом: произнес символ вопроса и назвал имя Гекко.

Джим никогда не был одаренным лингвистом, и, вероятно, ему не суждено было стать им в будущем, но его метод сработал. Марсианин отвел Джима к другому марсианину – так горожанин на Земле направил бы приезжего к полицейскому, – а тот привел его к Гекко.

Джиму не составило большого труда объяснить Гекко, чего он хочет: чтобы ему вернули Виллиса. Гекко выслушал его и ласково объяснил, что это невозможно.

Джим начал снова, полагая, что непонимание вызвано его плохим знанием языка. Гекко дал ему договорить, а затем совершенно ясно дал понять: он правильно понимает, чего хочет Джим, но не может выполнить его желание, не может отдать ему Виллиса. Нет, Гекко очень опечален тем, что вынужден отказать другу, с которым разделил чистую влагу жизни, но ничего не может поделать.

Под влиянием могучей личности Гекко Джим понял почти все сказанное им, а остальное угадал. Отказ Гекко он понял совершенно отчетливо. И какая разница, было при Джиме оружие или нет: Гекко не внушал ему ненависти, как Хоу. Джим чувствовал, как изливается на него дружеское тепло Гекко, и все же он был поражен, он был потрясен, возмущен и никак не мог смириться с таким приговором. Некоторое время он в упор смотрел на марсианина, затем повернулся и пошел прочь, не разбирая дороги, громко крича:

– Виллис! Виллис! Иди сюда, иди к Джиму!

Марсианин устремился за ним, каждый его шаг равнялся трем шагам Джима. Джим бросился бежать, не переставая звать Виллиса. Он повернул за угол, налетел на троих марсиан и пролез у них между ногами. Гекко попал в уличную пробку, и, пока он выпутывался из нее по всем правилам марсианского этикета, Джим успел удрать довольно далеко.

Он заглядывал в каждую арку, что попадалась ему по дороге, и звал. Однажды он попал в комнату, где расположились марсиане, застывшие в трансе, который называется у них «уходом в иной мир». Джиму никогда не пришлось бы в голову беспокоить марсианина в трансе, как мальчику, живущему на границе западных американских земель, не пришлось бы в голову дразнить гризли. Но сейчас он ничего не замечал вокруг и крикнул, чем вызвал неслыханное и невообразимое смятение. Наиболее стойких просто затрясло, а один бедняга так сильно переволновался, что задрал все три ноги и грохнулся на пол.

Джим этого не видел, он уже мчался дальше и кричал в следующую дверь.

Гекко догнал его наконец и поймал в свои огромные ладони.

– Джиммарло! – сказал он. – Джиммарло, друг мой...

Джим рыдал и колотил кулаками по твердой груди марсианина. Гекко немного потерпел, а потом зажал руки Джима третьей рукой. Джим затравленно посмотрел на него.

– Виллис, – сказал он на своем языке. – Я хочу Виллиса. Ты не имеешь права!

Гекко прижал его к груди и мягко ответил:

– Это не в моей власти. Я ничем не могу помочь. Нам надо отправиться в иной мир. – И пошел куда-то.

Джим не ответил, утомленный взрывом собственных чувств. Гекко сошел вниз по пандусу, потом по другому, потом еще и еще. Они спускались все ниже и ниже, так глубоко, как еще не приходилось Джиму и вряд ли приходилось хоть одному землянину. На верхних уровнях им еще попадались другие марсиане, здесь же не было никого.

Наконец Гекко вошел в комнатку глубоко под землей. Она отличалась тем, что ничем не была украшена, у простых жемчужно-серых стен был какой-то немарсианский вид. Гекко опустил Джима на пол и сказал:

– Это ворота в иной мир.

Джим встал и спросил:

– Что ты такое говоришь?

И старательно перевел вопрос на марсианский. Он мог бы не утруждать себя: Гекко все равно его не слышал.

Джим задрал голову и посмотрел на марсианина. Гекко застыл без движения, твердо упершись в пол всеми тремя ногами. Его глаза были открыты, но совершенно безжизненны. Гекко перешел в «иной мир».

– Ну, здóрово, – сказал Джим, он выбрал самое подходящее время для таких фокусов.

Джим не знал, что делать: попытаться найти дорогу на верхние уровни самому или подождать Гекко. Поговаривали, что марсиане могут не выходить из транса целыми неделями, но док Макрей всегда высмеивал такие рассказы.

Джим решил немного подождать и уселся на пол, обняв руками колени. Он почти успокоился и никуда особенно не спешил, как будто безграничное спокойствие Гекко передалось ему, пока Гекко нес его на руках.

Прошло какое-то время, бесконечно долгое время, и в комнате стало темнеть. Джима это не беспокоило: ему было хорошо, он снова испытывал то полное счастье, которое познал на двух своих «сближениях».

Где-то далеко в темноте появился маленький огонек и стал расти. Но он не осветил жемчужно-серую комнатку, а превратился в изображение. Это было похоже на стереокино, как будто смотришь лучший новоголливудский фильм в ярких, естественных красках. Только этот фильм снимали не на Земле, Джим точно знал это, в нем не было ни притянутого за уши счастливого конца, ни сюжета. Фильм был чисто документальным.

Джиму казалось, что он видит заросли травы у канала с высоты не более фута от земли. Ракурс все время менялся, как будто камеру возили на очень низкой тележке между стеблями. Камера перемещалась на несколько футов, останавливалась и снова переходила на другое место, но никогда не поднималась слишком высоко от земли. Иногда камера описывала полный круг, представляя панораму в триста шестьдесят градусов.

Во время одного из таких оборотов Джим и увидел водоискалку.

Странно, что он вообще узнал ее при таком сильном увеличении (готовясь к нападению, она заняла весь экран). Но разве можно было не узнать эти кривые, как ятаган, когти, это жуткое сосущее рыло, эти тяжелые ножищи? И уж ни с чем нельзя было спутать тошнотворное омерзение, которое вызывала эта тварь. Джиму даже казалось, что он чувствует ее запах.

Обнаружив хищника, камера остановилась. Она застыла на месте, а мерзкая, страшная тварь кинулась на нее в смертельном прыжке. В самый последний миг, когда она заполнила весь экран, что-то произошло. Морда (или то, что ее заменяло) разлетелась на куски, и обгорелая гадина рухнула наземь.

Изображение на несколько мгновений полностью исчезло, затем сменилось вихрем разноцветных красок, а потом чистый, звонкий голос сказал: «Смотри-ка, какой симпатичный малыш!» Изображение восстановилось, будто подняли занавес, и Джим увидел перед собой другую образину, почти такую же страшную, как рыло убитой хищницы. Хотя образина заняла опять-таки весь экран и была причудливо искажена, Джим без труда узнал в ней респираторную маску колониста. Что пошатнуло его отстраненную позицию кинозрителя, так это то, что он узнал эту маску. Ее украшали те самые тигровые полосы, которые Смайт замазал за четверть кредитки; это была его собственная прежняя маска.

И Джим услышал, как его собственный голос сказал: «Ты слишком маленький, чтобы гулять одному, когда-нибудь такая же гадина тебя съест. Возьму-ка я тебя домой».

Камера опять пошла сквозь заросли, на этот раз повыше, покачиваясь вверх-вниз в такт его, Джима, шагам. Потом в кадре появилась открытая местность, а на ней, расставленные в форме звезды, надувные дома Южной колонии.

Джим по привычке к тому, что смотрит на себя со стороны и слышит свою речь, и продолжал наблюдать мир глазами Виллиса. Пленка, видимо, не подвергалась никакой редакции, шла полная запись того, что видел и слышал Виллис с тех пор, как Джим взял его под свою опеку. Визуальное восприятие Виллиса было не слишком точным, он видел все по-своему, в свете прежнего опыта. У «Джима», героя фильма, поначалу было три ноги, прошло какое-то время, пока воображаемая конечность не исчезла. Другие персонажи – мать Джима, старый док Макрей, Фрэнк – постепенно превращались из бесформенных пятен в реальные, хотя немного искаженные изображения.

Зато все звуки воспринимались невероятно ясно и четко. Джим обнаружил, что и сам выпитывает разные звуки, особенно голоса, с новым для себя, глубоким наслаждением.

Особенно нравилось ему видеть себя глазами Виллиса – с нежностью и теплым юмором. Его образ был лишен всякого достоинства, зато им живо интересовались. Его любили, но почтения к нему не питали. Джим в фильме был чем-то вроде здорового неуклюжего слуги: он был полезен, но рассчитывать на его внимание было бы полным безрассудством, все равно что на плохо выдрессированного пса. Что до других людей, это были занятные создания, в общем безобидные, но непредсказуемые в своих передвижениях. Джима очень насмешило мнение попрыгунчика о людях.

Рассказ продолжался день за днем и неделя за неделей, в него вошли даже темные и тихие промежутки, когда Виллис изволил почивать или прятал свои органы чувств. Действие перенеслось в Малый Сырт и в то плохое время, когда Джим куда-то подевался. Хоу был представлен как противный голос и пара ног, а Бичер был безликим ничтожеством. История продолжалась шаг за шагом, а Джиму почему-то не было скучно и не надоело. Он погрузился в эту историю и так же не мог выйти из нее, как и Виллис, да ему и не хотелось. Наконец действие дошло до марсианского города Киния, где и завершилось периодом темноты и покоя.

Джим выпрямил затекшие ноги. Свет зажегся снова. Джим посмотрел на Гекко, но тот так и не вышел из транса. Оглянувшись, Джим увидел, что позади него, в глухой стене, открылась дверь. За ней виднелась соседняя комната, на стенах которой, по марсианскому обычаю, был изображен пейзаж – зеленая местность, больше похожая на дно бывшего моря к югу от Кинии, чем на пустыню.

В той комнате был марсианин. Позднее Джим никак не мог описать его: глаза марсианина притягивали к себе и не отпускали. Человеку трудно судить о возрасте марсианина, но Джим безошибочно чувствовал, что этот очень стар, старше отца и даже дока Макрея.

– Джим Марло, – звучным голосом сказал туземец. – Добро пожаловать, Джим Марло, друг моего народа и мой друг. Испей со мной воды.

Говорил он на бейсик-инглиш с каким-то смутно знакомым акцентом. Джим раньше никогда не слышал, чтобы марсианин говорил на языке землян, хотя и знал, что некоторые говорят на бейсике. Большим облегчением было общаться на родном языке.

– Я пью с тобой. Да будет у тебя всегда чистой воды в изобилии!

– Благодарю тебя, Джим Марло.

На самом деле никакой воды они не пили, это была просто формула вежливости. Затем последовала пауза, также предписанная этикетом, во время которой Джим думал, кого же напоминает ему до странности знакомый выговор марсианина – то ли отца, то ли дока Макрея.

– Ты чем-то опечален, Джим Марло. Твое горе – наше горе. Чем я могу помочь тебе?

– Мне ничего не нужно, – ответил Джим, – только добраться до дому и чтобы Виллис был со мной. У меня забрали Виллиса, это неправильно. Они не должны были так поступать.

Последовало еще более продолжительное молчание. Наконец марсианин ответил:

– Стоя на земле, не всегда видишь то, что за горизонтом, но Фобос видит все.

Перед тем как сказать «Фобос», он немного запнулся. Потом он, как бы спохватившись, добавил:

– Джим Марло, я не так давно выучил ваш язык. Прости меня, если я не могу сразу найти слово.

– Да вы прекрасно говорите! – совершенно искренне сказал Джим.

– Я знаю слова, но картина мне не ясна. Скажи мне, Джим Марло, что такое «лондонзо»?

Джим попросил его повторить, прежде чем ему стало ясно, что марсианин спрашивает о лондонском зоопарке. Джим начал объяснять, но остановился на описании идеи зоопарка: от марсианина повеяло таким холодным, непримиримым гневом, что Джим испугался. Потом настроение марсианина снова резко переменилось, и Джим вновь ощутил дружеское тепло, идущее от его собеседника, как от солнца; оно было не менее реально, чем солнечные лучи.

– Джим Марло, ты дважды спасал малыша, которого назвал «Виллис», от... – он употребил марсианское слово, неизвестное Джиму, потом поправился: – ...от водоисалки. Ты убил много водоисалок?

– Да, порядочно, – ответил Джим. – Я как вижу их, так и убиваю. Слишком они обнаглели, нечего рыскать около колонии.

Марсианин как будто обдумывал это некоторое время, но потом, вместо того чтобы прокомментировать ответ, он снова переменял тему:

– Джим Марло, дважды или трижды ты спасал малыша; однажды или дважды наш малыш спас тебя. И с каждым разом вы становились ближе друг другу. День ото дня вы становились все ближе, и вот теперь ни один из вас не может жить без другого. Не уходи от нас, Джим Марло. Останься с нами. Это мой дом, а ты в нем сын и друг.

Сначала он сказал «дочь», а не «сын», затем поправился, не утратив при этом самого серьезного тона.

Джим покачал головой:

– Мне надо домой, и хорошо бы отправиться прямо сейчас. Вы очень добры, что предложили мне остаться, и я благодарен вам, но... – Он как можно понятнее рассказал о заговоре против колонии и объяснил, что надо скорее сообщить об этом людям. – С вашего разрешения, сэр, нельзя ли, чтобы меня и моего друга доставили обратно туда, где К'бумч нашел нас. Только я бы хотел перед этим получить обратно Виллиса.

– Ты хочешь вернуться в город, где вас нашли? Разве ты не хочешь попасть домой?

Джим объяснил, что они с Фрэнком смогут оттуда добраться до дому.

– Может быть, вы спросите Виллиса, сэр, хочет он идти со мной или останется здесь?

Старый марсианин вздохнул точно так же, как отец Джима после бесплодного семейного спора:

– Есть закон жизни и есть закон смерти, и оба они подчинены закону перемен. Даже самую твердую скалу разрушает ветер. Понимаешь ли ты, мой сын и друг, что, даже если тот, кого ты зовешь Виллисом, уйдет сейчас с тобой, вам все равно когда-нибудь придется расстаться?

– Да, наверное. Значит, мне можно забрать Виллиса домой?

– Мы поговорим с тем, кого ты зовешь Виллисом.

Старик заговорил с Гекко, который зашевелился и забормотал во сне. Втроем они стали подниматься наверх, Гекко нес Джима, а старик следовал за ними.

Где-то на полпути до поверхности они вошли в темную комнату, которая осветилась при их появлении. Джим увидел, что там от пола до потолка рядами тянутся маленькие ниши и в каждой нише лежит попрыгунчик. Все они были похожи, как близнецы.

Малыши выставили глазки, как только зажегся свет, и с интересом стали смотреть, что тут происходит. И тут кто-то крикнул:

– Приветик, Джим!

Джим оглянулся, но не определил, откуда слышится голос. Прежде чем он смог что-то предпринять, по комнате эхом пронеслось:

– Приветик, Джим! Приветик, Джим! Приветик, Джим!

И все его собственным голосом.

Растерянный Джим обернулся к Гекко.

– Который же Виллис? – спросил он, забыв, что надо говорить по-марсиански.

Хор снова заверещал:

– Который же Виллис? Который же Виллис? Который-который-который Виллис?

Джим вышел на середину комнаты.

– Виллис! – скомандовал он. – Иди к Джиму.

Справа из среднего ряда ниш выскочил попрыгунчик, спрыгнул на пол и затопал к Джиму.

– Возьми Виллис, – потребовал он.

Джим с облегчением взял его на руки.

– Где Джим был? – осведомился Виллис.

Джим почесал его шерстку:

– Ты все равно не поймешь. Слушай, Виллис: Джим уходит домой. Виллис хочет пойти с Джимом?

– Джим уходит? – недоверчиво переспросил Виллис, словно неумолкающий хор помешал ему расслышать.

– Джим уходит домой прямо сейчас. Виллис пойдет или останется здесь?

– Джим уходит, и Виллис уходит, – объявил попрыгунчик так, будто это было законом природы.

– Тогда скажи об этом Гекко.

– Зачем? – подозрительно спросил Виллис.

– Скажи, а то тебя оставят здесь. Ну, давай скажи ему.

– Ладно.

Виллис защелкал и закаркал, обращаясь к Гекко. Ни Гекко, ни старый марсианин не сказали ни слова. Гекко взял Джима с Виллисом на руки, и все стали подниматься вверх. Гекко опустил их на пол возле комнаты Фрэнка и Джима, и Джим с Виллисом на руках вошел.

Фрэнк валялся на шелках, а на полу рядом с ним стояли открытые, но еще не тронутые консервы.

– Я вижу, ты его нашел, – заметил Фрэнк. – Правда, и времени у тебя было достаточно.

Джим почувствовал укол совести. Его не было бог знает сколько времени – несколько дней или недель? Фильм, который он смотрел, охватывал несколько месяцев.

– Ох, извини, Фрэнк. Ты беспокоился обо мне?

– С чего мне было беспокоиться? Я просто не знал, начинать ланч одному или ждать тебя. Тебя добрых три часа не было.

Три часа? Скорее, три недели, хотел было сказать Джим, но раздумал. Он вспомнил, что все это время ничего не ел, а между тем только слегка проголодался.

– Ну да, конечно. Извини. Только знаешь, может, мы попозже поедем?

– Почему? Я умираю с голоду.

– Потому что мы уходим, вот почему. Гекко и еще один туземец ждут за дверью, чтобы отвезти нас обратно в тот город, где нас нашел К'бумч.

– А, тогда ладно! – Фрэнк набил рот едой и стал натягивать скафандр.

Джим последовал его примеру и стал одеваться и жевать одновременно.

– Доесть можем в вагоне подземки, – проговорил он с полным ртом. – Не забудь залить воду в маску.

– Не беспокойся, дважды я такую глупость не повторю.

Фрэнк наполнил резервуар своей маски и маски Джима, хлебнул как следует воды и передал напиток Джиму. Они перекинули через плечо коньки, и сборы были окончены. Все про-

шли по пандусам и коридорам в зал, служивший «станцией метро», и остановились у одной из арок.

Старый марсианин вошел туда, но Гекко, к некоторому удивлению Джима, распрощался с ними. Они обменялись ритуальными любезностями, приличествующими водным друзьям, а потом Фрэнк и Джим с Виллисом вошли внутрь, и дверь за ними закрылась.

Кабина сразу же тронулась с места.

– Ой! – сказал Фрэнк. – Что такое? – И сел.

Старый марсианин, который надежно устроился на своем «насесте», ничего не сказал, а Джим засмеялся:

– Ты не помнишь, как мы ехали сюда?

– Не очень. Ух какой я тяжелый!

– Я тоже. Это входит в программу. Как насчет перекусить? Кто знает, когда еще удастся поесть по-человечески.

– Дело говоришь.

Фрэнк достал остатки ланча. Когда они доели, Фрэнк подумал-подумал и открыл еще одну банку, но не успели они взяться за холодные бобы с искусственной свиной, его желудок подскочил к горлу.

– Эй! – завопил Фрэнк. – А это что еще?

– Ничего, в прошлый раз тоже так было.

– Я думал, мы куда-нибудь врезались.

– Да нет, говорю тебе, так надо. Передай-ка мне бобы.

Они доели бобы и стали ждать, что будет дальше. Вскоре чувство избыточной тяжести покинуло их, и Джим понял, что они прибыли.

Дверь кабины открылась, и они вышли в круглый зал, точно такой же, как тот, из которого уезжали. Фрэнк разочарованно посмотрел вокруг:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.